

РОСКОНГРЕСС ИНСАЙДЕР

«Экологическая повестка и международная торговля: от противоречий к возможностям»

Информационно-аналитический дайджест
incl. summary in English

Москва, ноябрь 2020 г.

Дайджест подготовлен авторами с компетенцией и многолетним опытом в сферах международной торговли и экономической интеграции.

Авторы выражают благодарность Советнику Президента Российской Федерации А. А. Кобякову и Директору Фонда Росконгресс А. А. Стуглеву за действенное участие и поддержку в создании серии Информационно-аналитических дайджестов Фонда Росконгресс.

trade & integration

Исследовательский центр
Международная торговля и интеграция (ITI)

+7 (495) 120-25-75

info@itandi.ru

www.itandi.ru

Ответственный редактор:

Е.К. Губенко

Коллектив авторов:

А.А. Стуглев, председатель правления,
директор Фонда «Росконгресс»

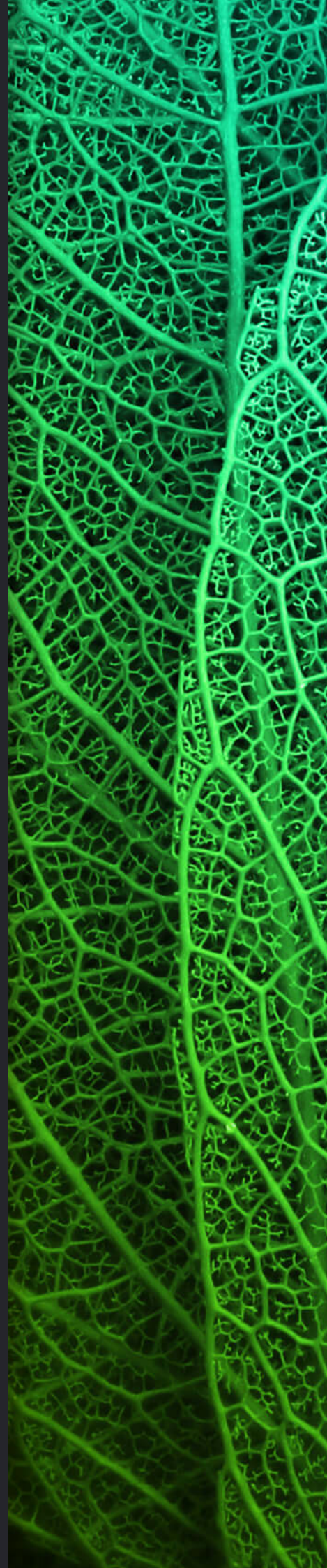
В.Ю. Саламатов, профессор, д. э. н.

Е.К. Губенко, член Международной
Федерации Журналистов (IFJ)

В.О. Коломин, эксперт ITI

А.В. Тангаева, начальник отдела анализа
торгового режима ITI

Д.А. Журбенко, младший эксперт ITI

Оглавление

Введение.....	4
Резюме.....	6
I. «Зеленый протекционизм» на фоне глобального неравенства.....	10
Дисбалансы развития и международная торговля.....	10
Противоречия «зеленого протекционизма».....	14
Экологическая сертификация и пробелы глобального регулирования.....	19
II. Сокращение выбросов и право на развитие.....	22
Дилеммы мирового экологического регулирования.....	22
Декарбонизация и торговля выбросами.....	25
Экологическая повестка в международной торговле: риски и возможности для России.....	30
III. «Зеленая экономика» как способ повышения конкурентоспособности России.....	35
Заключение.....	43
Summary.....	45

А. А. СТУГЛЕВ

Председатель Правления, директор Фонда Росконгресс

Фонд Росконгресс, как нефинансовый институт развития, активно участвует в продвижении экологической повестки через свои мероприятия и информационно-аналитическую систему (roscongress.org).

Настоящее исследование посвящено влиянию, которое оказывает проникновение экологической повестки в международную торговлю. Между производством, мировой торговлей и окружающей средой существует фундаментальная связь. Значительный экологический ущерб вызван ростом масштабов глобальной хозяйственной деятельности. Однако последние тренды говорят о всевозрастающей степени экологической ответственности и культуры среди участников международных торговых отношений.

Напомним, что основные направления, поддерживаемые ВТО и ее заинтересованными членами, включают в себя как устойчивое развитие государств, так и равноправие в торговле — с учетом национальных интересов и сохранения здоровой конкуренции.

Изучение экологической повестки в международной торговле позволяет сделать вывод о повсеместном распространении и усилении мер по защите окружающей среды. Сегодня мы можем наблюдать смену антропоцентрического подхода на экоцентрический, вокруг которого формируются новые правила взаимодействия. Целый ряд стран и объединений уже идут по этому пути, например Европейский союз, являющийся одним из лидеров экологической повестки.

Тренд на «зеленое» усиливается и в России. При этом особый интерес и отчасти озабоченность вызывает проникновение экологической повестки в международную торговлю — особенно в традиционные для страны экспортные позиции.

Российская Федерация уже приняла несколько ключевых стратегических документов в этой области, однако для сохранения позиций в мировой торговле необходимы дополнительные координирующие шаги со стороны государства и усилия со стороны бизнеса.

Активность крупных российских компаний в части экологизации во многом является ответом на проникновение экологической повестки в международную торговлю и способом защиты от негативных эффектов, этим вызванных.

Биоресурсы являются нашим национальным богатством и несут множество преимуществ. Вместе с тем ответом на вызовы сегодняшнего дня должно стать их рациональное использование, не подрывающее возможности следующих поколений. Переход на такой путь развития с уменьшением углеродного следа будет способствовать как устойчивому развитию страны, так и сохранению и укреплению позиций России в международной торговле.

Исследование, подготовленное экспертами Исследовательского центра Международная торговля и интеграция (itandi.ru) при участии Фонда Росконгресс (roscongress.org), показывает основные векторы развития экологической повестки в мировой торговле. В некоторой степени оно дополняет ранее выпущенный дайджест [«Зеленая экономика и международная торговля: на пути к устойчивому развитию»](#), подробнее останавливаясь на том, как «зеленая» повестка меняет мировую торговлю, вносит новый элемент «зеленого протекционизма» и отчасти инструментализируется. Мы отмечаем важное значение этой темы для России, учитывая национальные цели по расширению экспорта, стремление к экологизации и важность торговых взаимоотношений с ЕС — лидером «зеленой» повестки и важнейшим торговым партнером страны. При подготовке этого исследования мы также постарались ответить на следующие вопросы:

- Какие существуют дисбалансы в развитии международной торговли и какое влияние оказывает «зеленый протекционизм» на глобальное неравенство?
- Как декарбонизация и политика сокращения выбросов парниковых газов сказываются на развитии международной торговли?
- Какие риски и перспективы есть у России с учетом развития экологической повестки в международной торговле?

ВВЕДЕНИЕ

Нарастающий масштаб экологических проблем в мире делает жизненно важным поиск приемлемого решения проблемы того, каким образом сочетать глобальный рост экономики и устойчивое развитие человечества, частью которого является сохранение окружающей среды.

[Население мира стремительно растет](#), вместе с тем растет и степень экономического неравенства. По оценкам ООН, к 2050 году население мира увеличится на 26% до 9,7 млрд человек. В то же время [население Африки южнее Сахары удвоится](#), а Европы — останется на том же уровне. В 2018 году от умеренной или острой нехватки продовольствия страдали 26,4% населения мира, или около 2 млрд человек, а 3 млрд не имели ни дома, ни воды, ни мыла.

Международная торговля с самого начала была призвана наводить мосты между развитыми государствами (Глобальный Север) и развивающимися (Глобальный Юг). Будучи двигателем глобализации, она помогает сглаживать диспропорции между странами и регионами, способствует товарному и технологическому обмену, распространению институтов и норм.

Устойчивое развитие человечества, закрепленное [в программных документах ООН](#), становится не просто трендом, но неотложной необходимостью для выживания человечества. Суть этой концепции выражается в простой формуле: удовлетворение потребностей настоящего дня без подрыва возможностей будущих поколений. Понятие устойчивого развития шире экологии, но само его появление говорит о неразрывной взаимозависимости между социально-экономическим развитием и защитой окружающей среды.

Начиная с 29 декабря 1970 года мы берем кредит у природы на два дня: тогда впервые был рассчитан Всемирный день экологического долга, который вычисляет [Глобальная сеть экологического следа \(GFN\)](#) по формуле: (мировая биоемкость / мировой экологический след) x 365. Все оставшиеся дни до конца года после рассчитанной даты мы живем «взаимы», потребляем запасы, которые планета не успеет восстановить, и накапливаем в атмосфере углекислый газ.

Ежегодно экодолг растет. Однако вызванный пандемией коронавируса экономический спад привел к сокращению экологического следа почти на 10%. В 2019 году Всемирный день экологического долга пришелся на 29 июля, а в 2020 году — на 22 августа, и составил 128 дней.

Экологическая повестка проникает во все сферы жизни, и международная торговля не является исключением. Однако усиливающийся протекционизм и торговые войны оказывают негативное влияние на эту сферу. [В 2019 году мировая торговля товарами упала на 3%](#), а рост торговли услугами замедлился до 2,1% (8,4% годом ранее). В 2020 году, вследствие пандемии и рецессии в мировой экономике, негативный тренд, очевидно, сохранится. Подъем новых центров силы, кризис международного регулирования, например Всемирной торговой организации, делает невозможным скоординированный глобальный ответ. В отсутствие общемирового решения инициатива перетекает на региональный уровень.

Экологическая повестка в мировой торговле имеет два основных измерения: расширение экологических требований к товарам и сокращение выбросов парниковых газов. Экологические требования, ввиду своей допустимости правилами ВТО, представляют странам возможность для поддержки национальных производителей и протекционизма против товаров, произведенных «неправильно» с точки зрения экологических или даже социальных норм. Сокращение выбросов парниковых газов, которое, хотя и регулируется на мировом уровне Рамочной конвенцией ООН по климату, в большей степени носит добровольный, «многоскоростной» характер, поскольку сталкивается с фундаментальным противоречием — правом отстающих государств на развитие с учетом их национальных целей.

Весь комплекс этих противоречий представляет собой серьезную проблему, однако он же несет и возможности для тех, кто умеет играть на этом поле, в том числе и для России — как для важного участника международной торговли, ориентированного на устойчивое развитие.

РЕЗЮМЕ

Ключевая дилемма использования «зеленых» мер поддержки производителей и торговых ограничений на основании защиты окружающей среды, устойчивого социально-экономического развития, безопасности государства — дихотомия между здоровьем и безопасностью нации, с одной стороны, и свободной торговлей — с другой.

Программы государственной поддержки и меры торговой защиты различаются от страны к стране. На международном уровне введение ограничений должно быть обосновано наличием консенсуса — например, регулироваться универсальными международными соглашениями наподобие Рамочной конвенции ООН 1992 г., Монреальского протокола 1987 г., Картахенского протокола 2000 г. Учитывая ограниченность сферы регулирования таких договоров, вопросы, выходящие за их рамки, будут всякий раз требовать подробного разбирательства в Органе по разрешению споров ВТО.

Согласно правилам ВТО, ограничения могут налагаться только на основании свойства продукта, но не метода его производства. Однако современное экологическое регулирование построено на отслеживании способа производства товара для оценки его экологичности. Тем не менее не каждое ограничение на основе способа производства является автоматически запрещенным, и в каждом конкретном случае необходимо разбираться: была ли введенная мера продиктована экологическими соображениями, или же целью был протекционизм.

В условиях кризиса ВТО все заметнее становится активность некоторых региональных и национальных акторов по распространению их собственных императивов развития на другие страны и регионы. Одним из ключевых игроков на этом поле сегодня является Европейский союз. В 2018 г. Европейский парламент перестал считать пальмовое масло возобновляемым биотопливом из-за пагубного влияния способов его добычи на экваториальные леса. Руководствуясь аргументом устойчивого развития, ЕС таким образом нанес сильный удар по производителям в Индонезии (53% рынка) и Малайзии (29% рынка). При этом такое решение, очевидно, приведет к увеличению использования других культур, в том числе тех, что выращиваются внутри Союза. Кроме того, экологический аргумент все чаще используется ЕС в качестве инструмента во время переговоров. Несмотря на определенную пользу для экологии, подобные решения искажают международную торговлю.

Международное климатическое регулирование имеет две основы: понимание чрезвычайной важности экологических проблем и экономические методы как наиболее эффективный способ их решения. В этом ключе система торговли квотами на выбросы парниковых газов (cap-and-trade) стала своеобразным «механизмом гибкости», призванным способствовать их сокращению. Несмотря на добровольность взаимодействия в рамках Парижского соглашения, торговля квотами продолжает активно развиваться на региональном уровне.

Главная линия разделения проходит в отношении справедливости ограничений, на которые готовы пойти государства ради экологичного будущего. В этих условиях интересы старых индустриальных стран, современных центров концентрации финансового капитала, вступают в противоречие с интересами новых индустриальных стран, центров промышленного капитала, таких как БРИКС. Однако наличие общих проблем, одной из которых является изменение климата, заставляет все страны сотрудничать — но с учетом национальных приоритетов развития.

Европейский союз стремится добиться углеродной нейтральности к 2050 г. Система торговли квотами на выброс парниковых газов ЕС функционирует с 2005 г. и продолжает расширяться на новые сферы. Важнейшим событием как для международной торговли в целом, так и для России станет определение контуров пограничного корректирующего углеродного механизма ЕС (ПКУМ), или углеродного налога, который, очевидно, принесет конкурентные преимущества европейским производителям.

В 2020 г. Минэкономразвития России подготовило проект Стратегии долгосрочного развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года. Согласно базовому сценарию (есть также инерционный и интенсивный), суммарные выбросы парниковых газов страны к 2050 г. составят 64% от уровня 1990 г. Таким образом, снижение выбросов в сравнении с пиковым уровнем эмиссии, достижение которого запланировано в 2030 г., должно составить 3%. Достижение углеродной нейтральности планируется к концу XXI в.

Возросшее использование климатической повестки для создания барьеров в торговле вызывает реакцию со стороны развивающегося мира, например БРИКС. Тем не менее по европейскому пути уже двигаются и другие страны. По данным АКРА, аналог «Европейской зеленой сделки» по достижению углеродной нейтральности к 2050 г. уже принят в Республике Корея, обсуждение Green New Deal имеет место в США, несмотря на борьбу действующей администрации с попытками международного климатического регулирования.

Россия, с учетом принятых обязательств в рамках Парижского соглашения по снижению к 2030 году выбросов парниковых газов до уровня 70–75% от объема выбросов 1990 г., имеет преимущество низкой базы для реализации концепции низкоуглеродного развития. Однако регулирование в этой области остается насущным вопросом, равно как и стимулирование государством перехода на устойчивое развитие.

Объективным катализатором внедрения принципов устойчивого развития, принятия стратегических документов и норм в области устойчивого развития и низкоуглеродного развития является меняющаяся среда международной торговли. Проникновение экологической повестки вкупе с особенностями российской экономики и экспорта создает вызов для экспортеров страны, чреватый угрозой потери традиционных для российской углеродоемкой продукции рынков, прежде всего европейского.

Ключевая роль в стимулировании внедрения «зеленых» инноваций принадлежит крупным компаниям, действующим на опережение с целью поддержания конкурентоспособности на мировых рынках.

Вопрос организации национальной системы торговли квотами с общим ограничением на выбросы (ТКООВ) в России приобретает особую актуальность в связи с активной подготовительной работой по созданию аналогичных систем в Белоруссии, Казахстане, Украине.

На сегодняшний день уже принято несколько значимых стратегических документов в этой области: Климатическая доктрина Российской Федерации, Стратегия экологической безопасности Российской Федерации, готовится к принятию Стратегия низкоуглеродного развития. Тем не менее для сохранения позиций России в мировой торговле необходимы дополнительные координирующие усилия государства.

Параллельно международному регулированию развивается тренд на экологическую маркировку (эколейблы). Подобная сертификация дает преимущества для производителей, однако может быть и барьером для развивающихся и наименее развитых государств.

Добровольная сертификация, в том числе экологическая, важна для повышения конкурентоспособности национальной продукции на международном рынке, а также для защиты внутреннего рынка от небезопасных товаров. Еще большее значение она имеет для потребителей, которые могут сделать осознанный выбор благодаря экомаркировке. В отличие от технических регламентов добровольная сертификация не регулируется ВТО и охватывает не только сам товар, но и способ его производства.

Добровольные экологические стандарты особенно важны для крупного бизнеса, ориентированного на экспорт. По некоторым оценкам, в развитых странах обязательные требования охватывают очень небольшую долю продукции (около 3%), остальное же является полем действия добровольной сертификации.

Учитывая распространение добровольной сертификации в мире и значимость экологической повестки в международной торговле, особую важность приобретает развитие российских экологических лейблов и их признание со стороны Международной организации по стандартизации (ISO) и Международной программы взаимопризнания экомаркировок (GENICES).

При всех преимуществах экологической сертификации она может быть барьером для развивающихся и наименее развитых государств, поскольку внедрение сертификации сопряжено с дополнительными затратами компаний, а для обеспечения функционирования системы сертификации необходимы квалифицированные кадры и должное техническое обеспечение, а также система аудита.

Бок о бок с эколейблами идет феномен гринвошинга (greenwashing), когда компании, используя маркетинговые бонусы от использования эколейбла, на деле не выполняют требования сертификации или искажают их.

Другой аспект связан со сферой контроля эколейблов. Если такая маркировка регулирует процесс и метод производства конечного продукта, то достоверность сведений можно достаточно легко верифицировать. Если же охват маркировки распространяется дальше, на всю цепочку производства товара, то отследить ее и проверить становится сложнее.

В настоящее время в России ведется активная работа, направленная на создание в стране современных секторов «зеленой экономики». Развивается такая область права, как экологическое законодательство. Все чаще крупные компании финансируют экологические программы, внедряют «зеленые» технологии и тем самым становятся одной из движущих сил экологизации производств в нашей стране.

В последние несколько лет российский экологический рынок стал расти. Правительство, эксперты и руководители компаний все чаще обращают внимание на необходимость перестройки экономики с учетом мер по охране окружающей среды. В рамках общей приоритетной задачи построения инновационной экономики в России выдвигается цель создать новую систему экологической безопасности, чтобы рост российской экономики базировался на высоких экологических стандартах.

С этой целью принимаются законы и вводятся новые нормы, стандарты, способствующие росту экологического рынка страны. Расширяется список объектов экологической сертификации.

Тренд на экологичное производство проникает во все новые отрасли. Руководители компаний воспринимают повышение устойчивости производства как неотъемлемый компонент развития своих предприятий, а экологические стандарты применяются наряду с техническими.

Крупные российские компании финансируют экологические программы, внедряют «зеленые» технологии, применяют международные стандарты, используют экологическую отчетность и другие инструменты природоохранной политики. Тем самым они становятся одной из движущих сил экологизации производств в нашей стране. При этом такая активность во многом является реакцией на изменение ландшафта в международной торговле — ответом на проникновение экологической повестки и способом защиты от негативных эффектов.

Перспективными секторами экологического рынка в России являются рынок контроля над загрязнением воды и воздуха, обработки сточных вод, управления отходами и их переработки, а также рынок экологически чистой сельскохозяйственной продукции и др.

Предлагаем вам также ознакомиться с некоторыми материалами, размещенными в специальных разделах Информационно-аналитической системы Росконгресс, на которые ссылаются авторы данного исследования:

- [Стратегии процветания для одной планеты. Как добиться долгосрочного успеха на нашей планете, ресурсы которой не безграничны](#)
- [Заплати углеродный налог и дыши спокойно!](#)
- [Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года](#)
- [Как введение углеродного налога в ЕС может повлиять на мировую торговлю](#)
- [Состояние и тенденции углеродных цен 2020 г.](#)

I. «ЗЕЛЕНый ПРОТЕКЦИОНИЗМ» НА ФОНЕ ГЛОБАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

— Дисбалансы развития и международная торговля

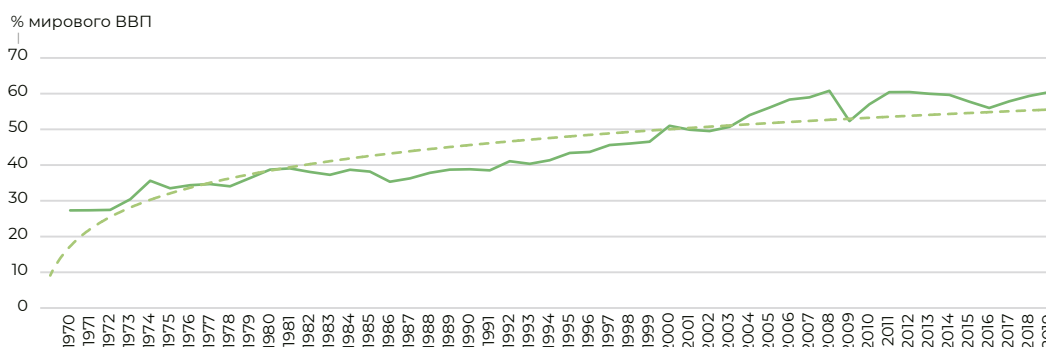
Значимость тренда на экологизацию нарастала пропорционально проблемам, с которыми сталкивалось человечество по мере индустриализации и увеличения антропогенной нагрузки на окружающую среду. При этом мировая торговля во многом была и остается катализатором изменений. Началом «зеленого» тренда принято считать 1970-е гг. Нефтяной кризис, разразившийся в 1973 г., оказал фундаментальное влияние на мировоззрение стран Запада, их стратегию в отношении своей энергетической и экологической безопасности. Резкий рост цен на энергоносители, ограничения поставок из стран Персидского залива выявили зависимость, которую можно было преодолеть лишь через кардинальные изменения и курс на новый формат развития.

Во Франции и Японии импульс развития получают атомная энергетика, переход на газ и возобновляемые источники энергии. Начинается строительство газопроводной инфраструктуры из СССР в Европу. В основе этих переходов лежит торговля, а именно — необходимость диверсификации поставок и структуры топливно-энергетического комплекса, обеспечения безопасности и стабильности ресурсных потоков, что в конечном итоге должно повлиять на укрепление суверенитета стран.

В этот период экономики развитых государств пережили фундаментальную трансформацию, связанную с Третьей промышленной революцией: автоматизацией и компьютеризацией производства. Нарастающие глобализационные процессы, в основе которых лежала мировая торговля, сделали возможным перенос трудоемких производств в страны с низкими затратами на труд, прежде всего в Азию. Так, с 1960 по 2012 гг. доля обрабатывающей промышленности в странах Запада уменьшилась в два раза из-за аутсорсинга производства.

При этом именно перенос транснациональными компаниями (ТНК) производства в развивающиеся страны спровоцировал экономические рывки, ускоренное развитие и повышение уровня жизни населения. На сегодняшний день 60% международной торговли приходится на промежуточные товары в рамках глобальных цепочек добавленной стоимости. Благодаря глобализации и международной торговле, доля которой по отношению к мировому ВВП выросла на 35% с 1960 по 2008 гг., экономических успехов достигли такие страны, как Сингапур, Республика Корея, Китай и многие другие.

ТОРГОВЛЯ КАК ДВИЖИТЕЛЬ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Источник: построено ITI на основе [данных](#) Всемирного банка

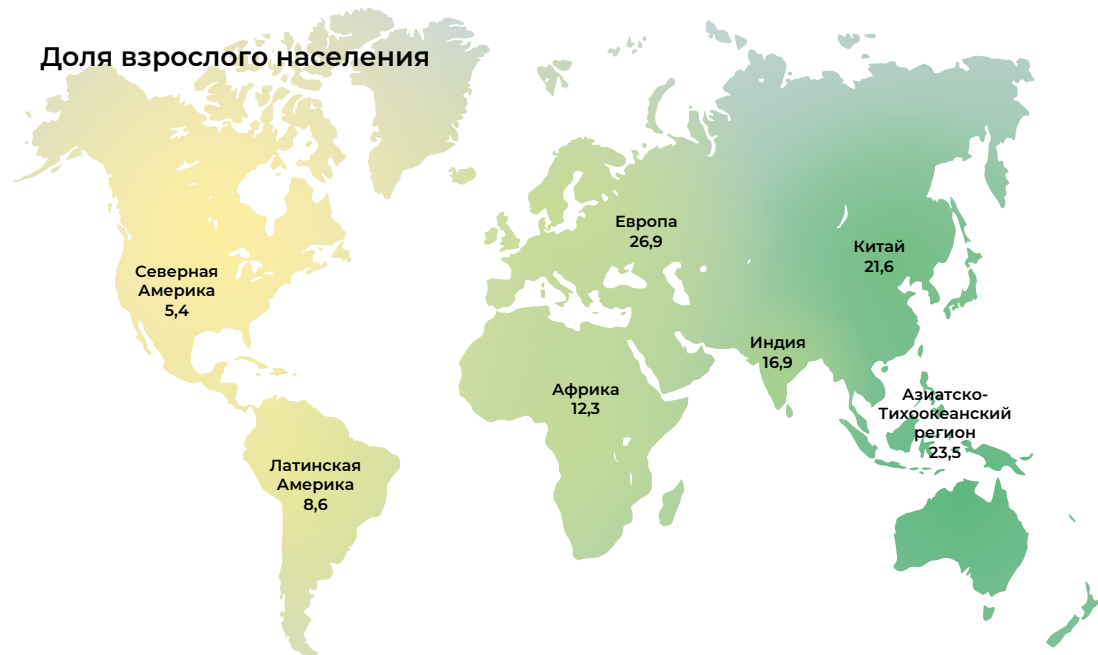
Экономическая деиндустриализация стран Запада шла рука об руку с экологизацией и разрастанием «зеленого» движения. Высвобождение рабочей силы, перенос наименее экологичной, тяжелой промышленности, например сталелитейной, угольной добычи, положили начало феномену «ржавых поясов» (Rust Belt). В США такой пояс находится между Восточным побережьем и Великими озерами. Европейскими аналогами являются Рурская область в Германии, Северная Англия, Индустриальная долина Валлонии (Бельгия), Нор — Па-де-Кале во Франции — именно с экологических проектов в этих районах, центрах первой и второй промышленных революций, началось «зеленое» движение на Западе.

Своеобразным манифестом, до сих пор являющимся ориентиром и актуальным программным документом «зеленого» движения, стал доклад Римского клуба [«Пределы роста»](#) (1972 г.). В нем авторы путем математических моделей указали на ограниченность природных ресурсов в условиях мальтузианской ловушки (периодически повторяющаяся ситуация, в результате которой рост населения опережает рост производства продуктов питания) и вывели не внушающие оптимизма сценарии будущего человечества. Несмотря на свою дискуссионность, доклад положил начало философии «зеленой» экономики, философии антироста, а также концепции устойчивого развития: удовлетворения потребностей настоящего дня без подрыва возможностей будущих поколений — преимущественно через разработку и внедрение новых технологий.

Новая экономическая реальность постепенно меняла сознание людей. Следствием этого стали ответственное потребление, мода на экологичность, новые потребительские привычки. Так, в США в 1970-х подошла к концу эпоха маслкаров (muscle cars): потребители делали выбор в пользу более «экономных» японских автомобилей с четырехцилиндровыми двигателями, что обеспечило увеличение международной торговли и подъем таких брендов, как Toyota, Nissan, Honda. А в политическом спектре возникли «зеленые партии», конкурирующие на равных с партиями мейнстрима.

Тем не менее новая реальность не стала универсальной для всего мира. Если для развитых государств, Глобального Севера, «зеленые» инновации и экономика, дружелюбная к экологии потребительская культура стали повсеместными, то для Глобального Юга, помимо встающей во весь рост проблемы изменения климата, жизненно важными остаются вопросы развития, доведения уровня жизни до стандартов развитых государств.

РЕГИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА МИРОВОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ БОГАТСТВА В 2018 Г.

Источник: [Credit Suisse Global Wealth Report, 2018](#)

Однако все большую озабоченность вызывает неумолимый факт: ресурсов планеты хватит, чтобы обеспечить достойное существование и для 10 млрд человек, но не хватит на то, чтобы обеспечить всем людям уровень жизни, свойственный среднему классу Глобального Севера. Именно поэтому на передний план выходят 17 Целей устойчивого развития, установленные ООН в 2015 г. со сроком исполнения до 2030 г. Нацеленная на обеспечение достойного будущего для всего человечества, концепция устойчивого развития — шире указанных целей. Это, скорее, руководящий принцип для развития планеты, объединений, государств и компаний, и в его основе — противостояние главной угрозе для человечества, а именно изменению климата и исчерпанию ресурсов Земли.

ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ООН

Источник: [ООН](#)

Международная торговля и экологическая повестка дня взаимосвязаны между собой, в совокупности являясь двигателем глобализации. Торговля — это основа благосостояния народов, успешного экономического развития и решения проблем развития, то, без чего невозможно предотвращение пагубных экологических последствий. Но вместе с тем, ее характер становится объектом критики в силу ряда негативных последствий для развития государств и экологического баланса. Что еще более примечательно, экология стремительно проникает в международную торговлю как источник ограничений и возможность для поддержки национальных производителей.

Противоречия «зеленого протекционизма»

Мировая торговля имеет ключевое значение для устойчивого развития человечества, что отмечается, например, в итоговой декларации Саммита Земли (Конференция в Рио-де-Жанейро), проведенного под эгидой ООН в 1992 г. Принцип 12 итоговой декларации указывает на то, что «меры торговой политики, направленные на защиту окружающей среды, не должны выступать средствами произвольной и несправедливой дискриминации или замаскированными ограничениями для торговли» и должны быть основаны на международном консенсусе. Тем не менее тренд на использование экологических мер в мировой торговле нарастает.

Международная торговля призвана наводить мосты между развитыми и развивающимися государствами, и ключевая роль в этом отводится Всемирной торговой организации (ВТО). Вместе с другими Бреттон-Вудскими институтами — Международным валютным фондом (МВФ) и Всемирным банком — ВТО является главным мировым регулятором для международной торговли. Марракешское соглашение 1994 г., завершившее Уругвайский раунд переговоров и создавшее ВТО как организацию, содержит лишь отсылки к экологической повестке. Однако в рамках текущего, Дохийского, раунда переговоров по дальнейшему развитию организации уделяется особое внимание вопросам инклюзивного глобального развития, сглаживания диспропорций между странами и экологической повестки.

Миссия ВТО, объединяющей в своем составе 164 члена и охватывающей 98% международной торговли, состоит в либерализации мировой торговли: снижении тарифных и нетарифных барьеров, повышении прозрачности торговых политик государств и объединений. В борьбе с протекционизмом ВТО стремится учитывать особенности национальных экономик. Условия присоединения государств к ВТО оговариваются заранее, процесс разбит на стадии постепенного снятия ограничений. Важнейшим механизмом ВТО является Орган по разрешению споров, выступающий финальным арбитром, если странам не удастся добиться взаимоприемлемого решения путем консультаций.

Несмотря на гибкость, заложенную в основу организации, в настоящий момент ВТО пребывает в кризисе. Экономический подъем ряда развивающихся государств, прежде всего Китая, кардинально меняет баланс сил в мире в целом и в ВТО в частности. Увеличение количества членов при необходимости консенсусного принятия решений, усложнение характера торговли, связанное с переносом производства из развитых стран в развивающиеся, образование сложных цепочек добавленной стоимости в рамках ТНК — все это привело в тупик переговорный процесс в рамках Дохийского раунда.

Экологическое регулирование является направлением деятельности ВТО только в части решения торговых вопросов, но при этом Организация признает авторитет других соглашений, непосредственно регулирующих климат и охрану окружающей среды. Таких соглашений насчитывается более 200, при этом около 20 из них регулируют также и некоторые торговые отношения (например, Базельская конвенция о транспортировке опасных отходов, Рамочная конвенция ООН и др.). Ключевыми для ВТО являются понятия национального режима (как только товар прошел все необходимые процедуры, он не может подвергнуться какой-либо дискриминации внутри импортирую-

щей страны) и режима наибольшего благоприятствования (предоставляемые государством — членом ВТО товару, услуге или поставщику одного государства льготы распространяются и на остальных членов ВТО). Эти режимы распространяются и на экологические меры.

Кроме того, согласно правилам ВТО, на продукт не могут быть наложены торговые ограничения лишь по причине метода его производства. Также ни одна страна не может навязывать свои стандарты другим. В случае торгового конфликта, если стороны не приходят к согласию путем переговоров (данная стадия обязательна), они могут обратиться в Орган по разрешению споров ВТО (третейская группа и апелляционный орган). Важно отметить, что на данный момент практика по делам, в которых одна страна ограничивает импорт разрешенных к торговле товаров из другой страны по экологическим соображениям, ограничена, а юридические основы для такого регулирования в рамках ВТО не институционализированы.

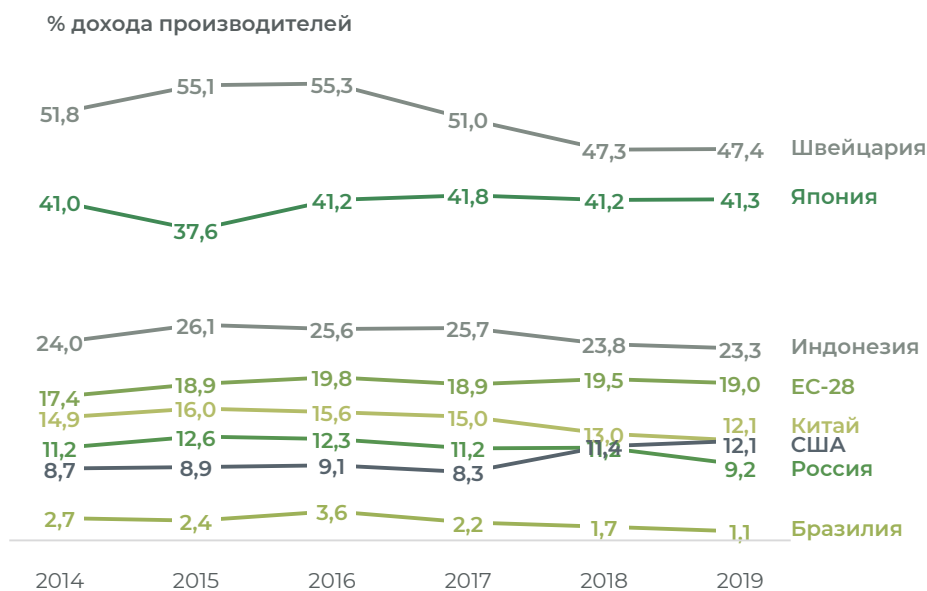
В свете вышесказанного примечателен спор относительно эмбарго США на импорт тунца в 1991 г. Законодательство США, направленное на защиту дельфинов, устанавливает определенные требования и стандарты, предъявляемые к судам, вылавливающим тунца, поскольку в результате этого вылова в сети часто попадают дельфины. В соответствии с американским законодательством, если страна-экспортер не может доказать, что ее способы добычи соответствуют требованиям законодательства США, то власти США обязаны [наложить эмбарго на импорт тунца](#) из данной страны, что они и сделали в отношении Мексики. Такое решение было признано дискриминационным. Согласно правилам ВТО, государство не может вводить ограничения на основании требований к способу добычи — только к качеству товара (статья 11 ГАТТ). Кроме того, эта ситуация также не могла считаться исключением по соображениям охраны природы (статья 20 ГАТТ), поскольку эта норма содержалась только в законодательстве США (а не в международных соглашениях) и в случае ее исполнения стала бы прецедентом распространения стандартов страны на другие государства.

Еще один пример из практики Органа по разрешению споров ВТО — [запрет США на импорт креветок](#) для защиты морских черепах в 1998 г. Малайзии, Индии, Пакистану и Таиланду удалось оспорить введенные США ограничения на импорт креветок, введенные под предлогом того, что, в отличие от США, рыболовы в этих странах не используют приспособления, исключая случайное попадание морских черепах в сети, что наносит вред популяции. Хотя попытка распространения США своих стандартов на третьи страны была пресечена, в итоге США изменили закон и продолжили защиту рынка. Потенциально подобные ситуации могут возникать чаще и преимущественно по линии Север — Юг, когда развитое государство стремится защитить своих производителей от конкурентов в развивающемся.

Экологическая повестка ВТО проявляет себя в проблеме субсидий в агропромышленном комплексе. В силу особенного характера сельского хозяйства, важности для безопасности государства и национальной идентичности, [сельскохозяйственные субсидии](#) имеют большое распространение, особенно в развитых государствах. Все субсидии в сфере сельского хозяйства разделены на [три корзины](#): янтарная корзина (искажающие торговлю количественные субсидии, которые должны быть сокращены до уровня 5-10% от агрегированного показателя поддержки, AMS), голубая корзина (субсидии, искажающие торговлю, но ограничивающие производство продукции), зеленая корзина (поддерживающие субсидии, не связанные с регулированием выпуска

продукции или цен). Меры зеленой корзины допускаются ВТО и включают в себя большинство программ поддержки, направленных на защиту окружающей среды, однако значительная часть поддержки направлена на увеличение производства, поддержание цен, что искажает торговлю.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА С/Х ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ

Источник: построено ИТІ на основе [данных](#) ОЭСР

Наиболее активны в использовании «зеленых» субсидий развитые государства, особенно Европейский союз. В настоящее время около 60% всех трансфертов сельхозпроизводителям Союза осуществляется на основе экологических требований, а 14% — в рамках [добровольных агроэкологических схем](#). Большинство программ нацелены на «зеленые» инновации, устойчивое развитие сельскохозяйственных территорий, что поддерживается ВТО. Между тем, в России, например, [73% трансфертов](#) сельскохозяйственным производителям нацелены на увеличение производства или поддержание цен, то есть являются количественными и, согласно ВТО, искажают торговлю.

Ключевая дилемма использования «зеленых» мер поддержки производителей и торговых ограничений на основании защиты окружающей среды, устойчивого социально-экономического развития, безопасности государства — дихотомия между здоровьем и безопасностью нации, с одной стороны, и свободной торговлей — с другой. Изменение климата и другие экологические проблемы являются общим вызовом для всех, но возможности государств в купировании этого вызова различны. При очевидной пользе меры «зеленой» поддержки представляются естественной лазейкой для стимулирования своих производителей и защиты от внешних.

Немаловажно и то, что сами экологические соображения не универсальны, поскольку для одних стран жизненно важной проблемой является, например, нехватка воды, а для других — сохранение биоразнообразия. Соответственно, различаются и программы поддержки государств и меры торговой политики. На международном уровне введение ограничений должно быть обосновано наличием консенсуса, например регулироваться универсальными международными соглашениями наподобие Рамочной конвенции ООН 1992 г., Монреальского протокола 1987 г., Картахенского протокола 2000 г. Учитывая ограниченность сферы регулирования таких договоров, вопросы, выходящие за их рамки, будут всякий раз требовать подробного разбирательства в суде.

Согласно правилам ВТО, ограничения могут налагаться только на основании свойства продукта, но не метода его производства. Однако современное экологическое регулирование построено на отслеживании способа производства товара для оценки его экологичности. Тем не менее не каждое ограничение на основе способа производства является автоматически запрещенным, и в каждом конкретном случае необходимо разбираться: была ли введенная мера продиктована экологическими соображениями, или же целью был протекционизм.

В связи с этим можно упомянуть и про так называемые исключения по соображениям безопасности ([статья XXI ГАТТ](#)) и меры, «необходимые для защиты жизни и здоровья людей, животных или растений...», а также меры, «необходимые для защиты общественной морали». Как исключение по соображениям безопасности, например, интерпретировала действующая администрация США введение пошлин на сталь и алюминий 1 марта 2018 г. Несмотря на наличие отсылок на эти нормы и их все более активное применение государствами-членами, правовое регулирование по ним недостаточно и [требует уточнения](#). Ввиду отсутствия прецедентного права в ВТО и полномочий у Органа по разрешению споров по корректировке или дополнению действующих норм, а также кризиса и фактического блокирования деятельности Органа по разрешению споров, регулирование мер «зеленого протекционизма» на глобальном уровне становится невозможным.

В 2009 г. Европейский союз ввел запрет на ввоз товаров и продукции из тюленей с целью продажи на рынках ЕС, посчитав этот промысел негуманным и обосновав запрет [соображениями морали](#). Важно, что запрет не распространялся на ввоз для целей переработки и последующего вывоза, а кроме того — включал в себя [исключение для народов Крайнего Севера](#), для которых этот промысел традиционен. Апелляционный орган ВТО, рассмотрев дело по просьбе Канады и Норвегии, принял аргументацию об исключении по моральным соображениям, но указал, что исключение для коренного населения неоправданно и дискриминирует коренное население Крайнего Севера других членов ВТО (прежде всего Канады).

Международная борьба с изменением климата и за сохранение окружающей среды все в большей степени фрагментируется. На фоне сворачивания глобализации усиливается тенденция к регионализации, и экологическое регулирование торговли не является исключением. Особого внимания в этом отношении заслуживают усилия ЕС, объединенные под знаком «Европейской зеленой сделки» (Green Deal), а также желание Китая перехватить эстафету у США в качестве апологета борьбы с изменением климата.

В условиях кризиса ВТО все заметнее становится активность ЕС по распространению своих императивов развития на другие страны и регионы. В 2018 г. Европейский парламент перестал считать пальмовое масло возобновляемым биотопливом из-за пагубного влияния способов его добычи на экваториальные леса. Руководствуясь аргументом устойчивого развития, ЕС таким образом [нанес сильный удар](#) по производителям в Индонезии (53% рынка) и Малайзии (29% рынка). При этом такое решение, очевидно, приведет к увеличению использования других культур, в том числе тех, что выращиваются внутри Союза, а Индонезия и Малайзия назвали такие действия [«сельскохозяйственным апартеидом»](#). Кроме того, экологический аргумент все чаще используется ЕС в качестве инструмента в переговорах о зоне свободной торговле между МЕРКОСУР и ЕС. Несмотря на определенную пользу для экологии, подобные решения искажают международную торговлю.

Консенсус по проблематике взаимосвязи торговли и защиты окружающей среды пока не достигнут. Однако в ВТО наблюдается активизация обсуждения, и мнения по этому вопросу расходятся. В Комитете по торговле и окружающей среде (КТОС) и в рабочих группах формируются коалиции стран-активистов, которые заинтересованы во включении экологического компонента в многостороннее торговое регулирование. Ключевыми вопросами дискуссии являются:

- ограничение субсидий на ископаемые виды топлива (СИВТ);
- снижение выбросов парниковых газов (ПГ);
- экономика замкнутого цикла;
- борьба с загрязнением пластиком;
- рыболовные субсидии.

На треке ограничения СИВТ наибольшую инициативу проявляют такие страны, как Новая Зеландия, Дания, Норвегия, Уругвай, Финляндия, Швеция и др., которые настаивают на ограничении добычи углеводородов, что должно привести к переходу на возобновляемые источники. При этом такие действия, очевидно, увеличат издержки стран — производителей энергоресурсов и будут благоприятными для стран-импортеров.

Что касается вопроса снижения выбросов ПГ, он по-прежнему лишь отчасти затрагивается обсуждениями в ВТО, хотя введение ЕС пограничного корректирующего углеродного механизма (ПКУМ), также называемого углеродным налогом, способно стать «скрытым ограничением торговли», а сам проект содержит признаки нарушения статей II и III ГАТТ ВТО. В целом, многое будет зависеть от финальных контуров ПКУМ, которые пока обсуждаются.

Вторичная переработка отходов с целью экономии природных ресурсов бурно развивается во многих странах; площадкой для обмена опытом между странами в этом вопросе также является ВТО. Вместе с тем, экономика замкнутого цикла [имеет потенциал](#) стать не только возможностью для развития, но и лазейкой для поддержки своих производителей в государствах, где экономика замкнутого цикла достигла наибольшего прогресса.

Нарастающий масштаб проблем, связанных с распространением пластика, учитывая сложности с утилизацией и хранением этого материала, приобретает все большую значимость на площадке КТОС ВТО. При этом лидером повестки является Китай, проявляющий активность в организации семинаров по теме и в подготовке информационно-аналитических документов. Тем не менее, данный вопрос пока не обсуждается рабочими органами ВТО.

Наконец, из всех перечисленных вопросов, лишь обсуждение рыболовных субсидий достигло высокой степени институционализации и прогресса в ВТО. Помимо ВТО внимание к этой теме проявляют также и ФАО ООН, ЮНКТАД. На площадке ВТО достигнуты значительные успехи на этом треке, в том числе с точки зрения взаимодействия развитых и развивающихся государств.

Учитывая отсутствие консенсуса на уровне ВТО, проблематика взаимосвязи торговли и экологии находит все большее распространение в региональных торговых соглашениях (РТС): «зеленые» главы имеются в соглашении о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП-11), соглашениях о свободной торговле между ЕС и Канадой (СЕТА). Все в большем числе внешнеторговых документов есть отсылки на Парижское соглашение, Базельскую, Роттердамскую и Стокгольмскую конвенции и так далее.

Экологическая сертификация и пробелы глобального регулирования

Параллельно международному регулированию развивается тренд на экологическую маркировку (эколейблы). Подобная сертификация не носит обязывающий характер, но выгодна как для производителей, получающих дополнительные преимущества перед конкурентами, так и для потребителей, которые могут сделать осознанный выбор в пользу экологически чистого продукта. Эколейблы также способствуют изменению потребительского поведения и развитию экономики замкнутого цикла. Несмотря на все положительные стороны, бок о бок с эколейблами идет феномен гринвошинга (greenwashing), когда компании, используя маркетинговые бонусы, полученные благодаря эколейблам, на деле не выполняют требования сертификации или искажают их.

Другой аспект связан со сферой контроля эколейблов. Если такая маркировка регулирует процесс и метод производства конечного продукта, то достоверность сведений можно достаточно легко верифицировать. Если же охват маркировки распространяется дальше, на всю цепочку производства товара, то отследить ее и проверить становится сложнее.

При всех преимуществах экологической сертификации она может быть барьером для развивающихся и наименее развитых государств, поскольку внедрение сертификации сопряжено с дополнительными затратами компаний, а для обеспечения функционирования системы сертификации необходимы квалифицированные кадры и должное техническое обеспечение, а также система аудита. Наконец, все новые меры в сфере защиты окружающей среды, имеющие торговое измерение, должны быть классифицированы, собираться профильным комитетом ВТО и быть доступными для государств-

участников, реализация чего пока не доведена до конца. Особое внимание должно уделяться комплементарности принципа национального режима ВТО и эколейблов, которые имеют большое распространение, например, в Европе.

В 2012 г. Орган по разрешению споров ВТО вынес решение по [второму спору США и Мексики](#) вокруг тунца, на этот раз связанному с экологической маркировкой «безопасно для дельфинов». Такая маркировка не была обязательна для импортируемого товара, но, очевидно, несла преимущества для местных производителей с точки зрения маркетинга. Суд постановил, что данная экологическая маркировка является на самом деле не стандартом (следование стандартам добровольно), а техническим регулированием (обязательная норма) со стороны властей США, поскольку определение маркировки вырабатывалось правительством страны. Таким образом, некоторые стандарты, если будет доказано, что они являются техническим регулированием, могут регулироваться ВТО.

Добровольные экологические стандарты особенно важны для крупного бизнеса, ориентированного на экспорт. По оценке экспертов, в развитых странах обязательные требования охватывают очень небольшую долю продукции (около 3%), в то время как в России этот показатель, по некоторым экспертным оценкам, составляет более 50%, хотя и снижается. Учитывая распространение добровольной сертификации в мире и значимость экологической повестки дня в международной торговле, особую важность приобретает развитие российских экологических лейблов и их признание со стороны Международной организации по стандартизации (ISO) и Международной программы взаимопризнания экомаркировок (GENICES).

НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫЕ МИРОВЫЕ ЭКОМАРКИРОВКИ

Канада

Россия

Европейский союз

Евросоюз

США

Германия

Швеция

Германия

Скандинавские страны

США

Великобритания

Германия

Япония

США

Источник: [Экологический союз](#)

Добровольная сертификация, в том числе экологическая, важна для повышения конкурентоспособности национальной продукции на международном рынке, а также для защиты внутреннего рынка от небезопасных товаров. В отличие от технических регламентов добровольная сертификация не регулируется ВТО и охватывает не только сам товар, но и способ его производства. Согласно [Ecolabel Index](#), на данный момент в мире насчитывается 457 экомаркировок в 25 отраслях. С точки зрения потребителей, сертификация — это возможность сделать осознанный выбор.

Экологическая сертификация дает конкурентные преимущества ответственным производителям. В последние годы в стремлении улучшить качество сертификации в России значительная работа была проделана Федеральной службой по аккредитации. На сегодняшний день в России имеется целый ряд эколейблов, а большинство российских компаний все активнее встраиваются в этот тренд, поскольку экологическая сертификация дает возможность выйти на международные рынки, а также предоставляет новые инструменты продвижения и налаживания контактов.

II. СОКРАЩЕНИЕ ВЫБРОСОВ И ПРАВО НА РАЗВИТИЕ

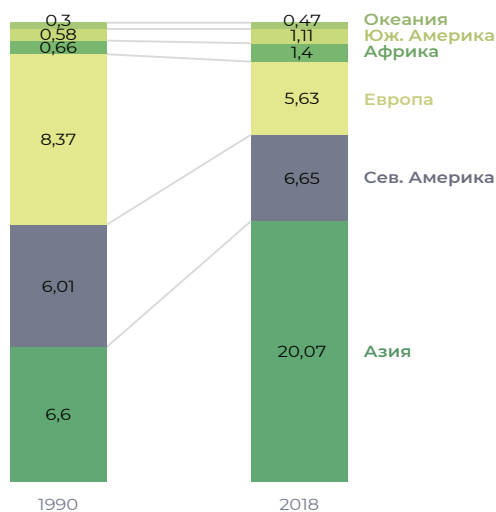
— Дилеммы мирового экологического регулирования

Вопросы устойчивого развития шире экологической повестки, которая является темой данной работы. Однако решение экологических вопросов идет рука об руку с вопросами развития, поскольку требует внедрения инноваций, интенсивного и качественного национального развития. В условиях сохраняющегося разделения между Глобальным Севером и Глобальным Югом, двум мирам все сложнее находить общий язык, что выражается в кризисе ВТО как глобального регулятора торговли. Вследствие этого инициатива в экологической повестке переходит на региональный уровень. Это, в свою очередь, приводит к диспропорции развития на пути к большей экологичности экономик и провоцирует протекционизм.

Главная линия разделения проходит в отношении справедливости ограничений, на которые готовы пойти государства ради экологичного будущего. В основе экологической повестки (шире — повестки устойчивого развития) лежит фундаментальная проблема: текущих ресурсов планеты хватит на то, чтобы обеспечить достойный низкий уровень жизни всему человечеству, но не хватит на то, чтобы перенести все человечество на уровень потребления, свойственный среднему классу стран развитого Глобального Севера. В этих условиях интересы старых индустриальных стран, современных центров концентрации финансового капитала, вступают в противоречие с интересами новых индустриальных стран, центров промышленного капитала, таких как БРИКС. Однако наличие общих проблем, одной из которых является изменение климата, заставляет все страны сотрудничать — но с учетом национальных приоритетов развития.

Переход к низкоуглеродному развитию сопровождается дебатами о национальном суверенитете и о том, справедлива ли ситуация, когда ограничениям подвергаются страны — производители товаров со значительным углеродным следом, куда многие «грязные» производства были перенесены ранее из развитых государств, а не страны-потребители, наслаждающиеся более высоким уровнем потребления. Однако в большинстве стран мира достигнут консенсус о чрезвычайной важности борьбы с изменением климата, грозящей всему человечеству — консенсус о том, что именно человечество несет главную угрозу для окружающей среды, и именно на человечество ложится бремя ответственности за будущее всей планеты.

ОСНОВНЫЕ ЭМИТЕНТЫ ПАРНИКОВЫХ ГАЗОВ (1990 VS 2018) CO₂ МЛРД Т

Источник: построено ITI на основе данных [Global Carbon Project](#)

В 1992 г. в Рио-де-Жанейро на Конференции ООН по окружающей среде и устойчивому развитию («Саммит Земли») была заложена основа современного международного климатического регулирования. Осознание масштаба угрозы привело к принятию Рамочной конвенции ООН об изменении климата, созданию Программы развития ООН (UNDP) и последующей выработке Целей устойчивого развития. Со временем Рамочная конвенция ООН дополнялась протоколами, наиболее известными (и обязывающими для государств) среди которых являются: Киотский протокол 1997 г. (COP-3), в котором развитые страны брали на себя обязательства по сокращению выбросов в сравнении с 1990 г.; Марракешские соглашения 2001 г. (COP-7), вводящие механизмы гибкости, в том числе торговлю квотами. Во второй период действия Киотского протокола (2012–2020 гг.) страны — участницы соглашения составляли 37% международной торговли (в случае, если бы все изначальные страны сохранили участие, доля составила бы 55%).

Ключевыми для понимания международного экологического регулирования являются понятия «экстерналии» и «общие ресурсы». Экстерналии описывают ситуации, когда деятельность одного агента оказывает воздействие на другого без компенсации ущерба последнему. Проблема экстерналий (например, когда выбросы в атмосферу в одном государстве напрямую влияют на состояние экологии в другом вне зависимости от воли второго) требует многостороннего регулирования на международном уровне. В 1968 г. Гаррет Хардин в своей статье вновь вернул в использование термин «общие ресурсы», описав на примере пастбища, как рациональная максимизация выгод каждого члена общины, имеющего доступ к общему полю, в конечном счете [ведет к проигрышу](#) всех членов общины из-за чрезмерной эксплуатации ресурса. Помимо атмосферы, через данную призму можно посмотреть и на проблему лесов, биоразнообразия, ресурсов мирового океана и др.

Возникновение экстерналий, деградация общих ресурсов, а также поиск путей рационализации природопользования находятся в фокусе экономики и политики окружающей среды. Именно поэтому появление международного климатического регулирования имело две основы: понимание чрезвычайной важности экологических проблем и экономические методы как наиболее эффективный способ их решения. Для этого, следуя теореме Коуза — Стиглера, в рамках Киотского протокола была организована система торговли квотами на выброс (cap-and-trade), привязавшая выбросы к «собственнику», который мог торговать своими квотами или покупать их у других. Таким образом, глобальный «углеродный рынок», или рынок «углеродных кредитов», обязан своим рождением Киотскому протоколу.

Торговля квотами на выброс парниковых газов (ПГ) стала частью «механизмов гибкости», призванных способствовать выполнению странами обязательств по сокращению выбросов, и включала в себя такие компоненты, как потолок выбросов, принцип купола (оптимизация путей сокращения выбросов внутри страны), принцип компенсации и, соответственно, торговлю квотами. Таким образом международное регулирование оставляло за странами право на дальнейшее распространение квот внутри собственных юрисдикций, а выбор технологических решений — за компаниями. Серьезный импульс для бурного роста «углеродного рынка» дал запуск 1 января 2005 года Европейской схемы торговли квотами на выбросы ПГ.

Несмотря на успехи Киотского протокола, особенно в сравнении с другими попытками регулирования, уже на стадии его принятия обнаружились фундаментальные противоречия между интересами развитых и развивающихся государств. В основу соглашения был положен принцип общей, но дифференцированной ответственности, согласно которому развитые государства (список в Приложении В включал в это число и Россию) брали на себя обязательства по сокращению выбросов, в то время как развивающиеся страны жестких обязательств не имели (всего документ ратифицировали 190 стран). При этом на сегодняшний день более 60% выбросов приходится именно на развивающиеся экономики.

Прошедший в декабре 2009 г. Климатический форум в Копенгагене еще раз напомнил мировому сообществу, что путь к выработке универсальной, всеобъемлющей, справедливой и действенной стратегии в борьбе с изменением климата будет долгим и тернистым. В рамках мероприятия проходила 15-я конференция сторон (COP-15) Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК) и 5-я встреча сторон (MOP-5) Киотского протокола. На конференции решались вопросы климатического характера и разрабатывались действия по предотвращению изменения климата до 2012 г.

Новый мировой экономический баланс сил, сложившийся к середине 2010-х гг., существенно отличался от закрепленного в Киотском протоколе — в том числе в части включения стран в списки развитых и развивающихся. В США Киотский протокол так и не был ратифицирован Конгрессом, а в 2012 г., во время переговоров о продлении действия Протокола (Дохийская конференция), из него вышла Канада. Россия, Новая Зеландия и Япония отказались от количественных ограничений на второй период действия Киото. Тем не менее США в период президентства Барака Обамы достигли значительного [прогресса](#) в «озеленении» своей экономики, несмотря на неучастие в Протоколе.

Парижское соглашение 2015 г., пришедшее на смену Киотскому, стало плодом новых реалий в мировой экономике. Чтобы быть инклюзивным и по-настоящему глобальным, соглашение не содержало в себе обязательных к исполнению требований. Каждое государство взяло на себя определенные добровольные обязательства. Отсутствие жестких требований позволило преодолеть разность позиций Глобального Севера и Глобального Юга и придать легитимность соглашению: до выхода США из соглашения на присоединившиеся страны приходилось более 90% мировых выбросов. Таким образом, и в климатическом регулировании нашла свое отражение тенденция к регионализации и разноскоростному подходу. Теперь страны сами определяют свой темп низкоуглеродного развития.

Декарбонизация и торговля выбросами

Парниковые газы антропогенного происхождения — углекислый газ (CO₂), метан (CH₄), закись азота (N₂O), перфторуглероды (ПФУ), гидрофторуглероды (ГФУ), гексафторид серы (SF₆) и трифторид азота (NF₃) — являются одной из главных причин парникового эффекта, что ведет к увеличению частоты климатических отклонений (природных катаклизмов), повышению температуры на планете (от 1,5–2 °С в оптимистичном сценарии до 5 °С в пессимистичном), таянию ледников и затоплению территорий ниже уровня моря, ущерб для биоразнообразия планеты. При этом из всех парниковых газов основным источником глобального потепления (более 60% выбросов) является именно диоксид углерода (CO₂).

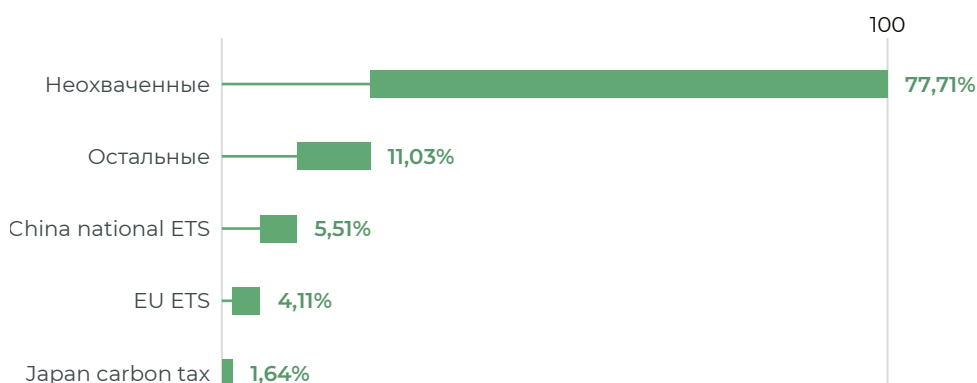
По данным ежегодного отчета [BP Statistical Review of World Energy](#), совокупный объем выбросов углекислого газа в мире в 2017 г. достиг 33,4 млрд т. Это на 1,3% выше уровня 2016 г., что главным образом вызвано ростом объемов выбросов в развивающихся странах. В 2017 г. Китай по-прежнему демонстрировал наибольшие объемы выбросов CO₂ в мире (27,6% от совокупного объема), на втором месте остаются США (15,2%), далее идут Индия (7,0%), Россия (4,6%) и Япония (3,5%). Главная причина образования углекислого газа — сжигание ископаемого топлива (60% эмиссии CO₂), что возводит в ранг ключевых задач снижение энергоемкости производств и переход на возобновляемые источники энергии.

Экологическая повестка дня выводит на передний план вопрос декарбонизации экономики, перехода к низкоуглеродному развитию. Первым шагом на этом пути является внедрение системы учета эмиссии парниковых газов, затем ограничение эмиссии (англ.: cap) и создание системы торговли квотами на выброс (англ.: trade). В рамках механизмов гибкости Киотского протокола была организована общемировая система cap-and-trade, призванная способствовать выполнению участниками соглашения своих обязательств. При этом сами страны и объединения имели прерогативу по установлению конкретных механизмов исполнения целей (принцип купола), а компании могли сами выбирать конкретные технологические решения.

Именно международная торговля квотами была положена в основу решения климатического вопроса как взаимовыгодный инструмент сотрудничества государств. Тем не менее торговля квотами на мировом уровне в рамках Киотского протокола вскоре после его запуска оказалась в кризисе в силу не самых жестких требований на ограничения выбросов, уменьшавших спрос на этот инструмент (по факту основными покупателями выступали Япония и страны Европы), а также нестандартного и сложного регулирования рынка сертифицированных сокращений выбросов и единиц сокращения выбросов (ЕСВ). Согласно [«Обзору климатических переговоров в ООН, ноябрь 2019»](#), в 2010 г. произошло обрушение цены на углеродные единицы. Однако начало было положено, мировой рынок квот на выброс продолжил свое существование и после Киото, но его развитие проходит преимущественно на региональном и страновом уровнях.

Сертифицированные сокращения выбросов могли быть получены через реализацию проектов, поглощающих парниковые газы, что увеличивало лимиты стран на выброс. Проекты совместного осуществления позволяли получить ЕСВ, равные одной тонне CO₂, при инвестициях или передаче технологий, позволяющих снизить эмиссию, другой компании или стране.

ОХВАТ МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ КВОТАМИ НА ВЫБРОС ПАРНИКОВЫХ ГАЗОВ (ПРОГНОЗ НА 2021 Г. ПОСЛЕ ЗАПУСКА КИТАЙСКОЙ СИСТЕМЫ)

Источник: построено ITI на основе [данных](#) Всемирного банка

Некоторые страны сумели воспользоваться не только экологическими, но и экономическими возможностями механизмов гибкости Киотского протокола. Так, Китай, не бравший на себя количественные обязательства, сумел стать главным поставщиком квот на рынок ЕС. Согласно [некоторым данным](#), прибыль России от продажи ЕСВ составила около 1 млрд евро — в силу позднего создания нормативно-правовой базы и сложностей с регулированием новой сферы внутри страны.

Развитие торговли квотами на выброс происходит двумя путями: через расширение странового и регионального охвата, с одной стороны, и через углубление сфер и секторов, на которые распространяется квотирование выбросов, с другой. В первом случае важным и ожидаемым событием является запуск китайской национальной системы торговли эмиссиями, которая может охватить до 5,5% мировых выбросов парниковых газов, что само по себе больше, чем покрытие действующей европейской системы. При этом общее количество действующих систем, как региональных, так и национальных и субнациональных, уже достигло 59 и продолжает расти.

Во втором случае сказывается разноскоростное движение в рамках отдельных систем. Так, на уровне ЕС в скором времени ожидается окончательная выработка параметров «углеродного налога». В 2024 г. ожидается включение авиатранспорта в торговлю квотами на выброс ПГ, отложенное в связи с внедрением инициативы по декарбонизации авиатранспорта CORSIA под эгидой Международной организации гражданской авиации (ИКАО). Обсуждается дальнейшее расширение системы [на морские грузоперевозки](#).

Проникновение экологической повестки несет в себе вызов для одних, но преимущества для других. В транспортной индустрии выгоду получает наиболее «зеленый» вид транспорта — железные дороги. Согласно [счетчику CO₂](#) портала ERAI, отражающему состояние евразийского маршрута перевозок Китай — Европа, железнодорожный транспорт приобретает конкурентные преимущества как более экологически чистый по сравнению с морскими, автомобильными и авиаперевозками.

Выработка долгосрочных стратегий низкоуглеродного развития является обязательством стран в рамках Парижского соглашения. Вне зависимости от характера экономики, проникновение экологической повестки, в частности повестки низкоуглеродного развития, в мировую экономику и международную торговлю напрямую влияет на перспективы развития страны. Все государства вынуждены корректировать свои стратегии развития, и Россия в этом отношении — не исключение.

В 2020 г. Минэкономразвития России подготовило проект [Стратегии долгосрочного развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года](#). Согласно базовому сценарию (есть также инерционный и интенсивный), суммарные выбросы парниковых газов страны к 2050 г. составят 64% от уровня 1990 г. Таким образом, снижение выбросов в сравнении с пиковым уровнем эмиссии, достижение которого запланировано в 2030 г., должно составить 3%. Достижение углеродной нейтральности планируется к концу XXI в.

Лидером низкоуглеродной повестки и экологической повестки в целом является Европейский союз. [Достаточно эффективная](#) Европейская система торговли квотами на выброс действует с 2005 г., и ее охват продолжает увеличиваться. Более того, во многом именно на основе этой системы планируется создание европейского пограничного корректирующего углеродного механизма (ПКУМ).

Амбициозная [«Европейская зеленая сделка»](#), анонсированная в 2019 г. и называемая «европейским аналогом высадки на Луну», предполагает достижение ЕС углеродной нейтральности уже к 2050 г. Осуществление задуманного не только потребует изменений внутри Союза, но и окажет влияние на торговых партнеров. В 2021 г. будут определены конкретные параметры и методология ПКУМ, также называемого углеродным налогом ЕС. Стимулом к его введению является [существенная разница в бремени, которое несут европейские компании в сравнении с компаниями других стран](#), где экологическое регулирование является менее строгим. Таким образом, налог, в соответствии с принципом платности выбросов, призван заставить торговых партнеров из стран с более низкими экологическими стандартами компенсировать разницу для сохранения доступа на европейский рынок.

Европейский план основан на повышении цен в рамках Европейской системы торговли выбросами, что должно стимулировать компании к внедрению «зеленых» инноваций. По некоторым оценкам, внедрение Европейской системы торговли квотами позволило дополнительно **сократить выбросы** ЕС на 1,2 млрд т, что составляет около 3,8% общих выбросов с 2008 по 2016 гг. при охвате системой 45% всех источников эмиссии CO₂ в ЕС. Также план ЕС основывается на ужесточении стандартов и выработке бенчмарков для углеродоемкой продукции, что станет основой для налогообложения импорта в пилотных секторах внедрения углеродного налога. И наконец, для обеспечения усилий ЕС будет создан инвестиционный фонд, направленный на стимулирование изменений и инклюзивный «зеленый» рост в странах Союза.

Согласно базовому сценарию, введение ПКУМ планируется в 2025 г., и сейчас его контуры проходят общественное обсуждение. ПКУМ может быть реализован по следующим сценариям:

- Потребительский налог. Будет удерживаться со всех углеродоемких товаров с происхождением как внутри, так и вне ЕС. Реализация этого решения потребует согласования между всеми странами-членами Союза. Ряд стран с высокой долей углеродоемкой продукции (Польша, Румыния и т. д.), вероятно, выступит против.
- Таможенная пошлина. Будет удерживаться с импортных углеродоемких товаров на «цены на углерод» внутри ЕС и за вычетом углеродной цены, уплаченной в стране-производителе. Приведет к критике в ВТО и вероятным разбирательствам.
- Расширение Европейской системы торговли квотами на ПГ. Использование уже имеющейся системы и методологии, которые, по ряду оценок, соответствуют нормам ВТО.

Кроме того, важным вопросом является способ учета «углеродного следа»: использовать ли бенчмарки ЕС или же считать точное значение выбросов, охватывать отдельные отрасли или же всю цепочку добавленной стоимости?

Реализация инициативы углеродного налога, очевидно, повлечет реакцию со стороны торговых партнеров, например США. В наибольшей степени налог затронет углеродоемкие товары, такие как нефтепродукты, сталь, алюминий, цемент, целлюлозу и бумагу, органическую химию. Также «Зеленая сделка» окажет влияние на энергогенерацию, морской, авиа- и автомобильный транспорт. Ужесточение стандартов повлияет и на агропромышленный сектор, являющийся источником метана.

«Зеленый протекционизм» вызывает озабоченность у торговых партнеров как с точки зрения конкуренции, так и с точки зрения правомерности таких норм в рамках ВТО, поскольку ни одна страна не может навязывать свои стандарты другим странам (выработка бенчмарков для оценки, экстерриториальное применение норм). Ряд стран действуют превентивно, разрабатывая и реализуя собственные стратегии низкоуглеродного развития, стимулируя переход на возобновляемые источники энергии и энергосберегающие технологии, создавая собственные системы торговли квотами на выброс — чтобы нивелировать последствия углеродного налога.

На текущий момент импорт составляет почти [четверть выбросов](#) от всех товаров, потребляемых или производимых в ЕС. При этом углеродный налог повлияет и на сектора, напрямую не затрагиваемые ПКУМ, но потребляющие углеродоемкие товары — например, производство текстиля и одежды, фармацевтику, автомобилестроение. По [оценке ВСС](#), наибольшее сравнительное сокращение прибыли ожидается по таким товарам, как полуобработанное золото (сокращение около 10%), каменный уголь (ок. 10%), целлюлоза (ок. 65%), сырая нефть (ок. 20%), плоский стальной прокат (ок. 40%).

Что касается стали, то влияние ПКУМ на экспортеров сильно различается в зависимости от применяемых технологий: [в выигрыше](#) окажутся производители, работающие на электродуговых печах, в то время как те, кто использует доменные печи, в гораздо большей степени ощутят последствия введения ПКУМ. Таким образом, [большую угрозу](#) ПКУМ несет для производителей стали из таких стран, как Китай (основной экспортер) и Украина, а меньшую — из США и Турции. Для России, в силу использования и той, и другой технологии, эффект будет смешанным.

Именно европейские сталелитейные компании наиболее активны в продвижении углеродного налога. ЕС самостоятельно обеспечивает 74% своих потребностей в стали, но, [по данным Financial Times](#), на мировом рынке доля европейских компаний находится на уровне 10%, что обуславливает опору ЕС на собственный рынок. При этом некоторые отрасли, прежде всего автомобилестроение, зависящие от поставок сырья и комплектующих, обеспокоены негативными последствиями налога.

Наиболее наглядным примером в этой связи является «Дизельгейт». В 2015 г. было обнаружено, что концерн Volkswagen целенаправленно устанавливал на некоторые модели автомобилей программное обеспечение, занижающее количество выхлопов оксида азота во время экологических тестов, с тем чтобы соответствовать экостандартам.

Что касается сырой нефти, то здесь преимущества от ПКУМ получит Саудовская Аравия (ок. 7% импорта ЕС), которая сможет платить налог на 30–50% меньший, чем Россия (ок. 30% импорта ЕС). Также в проигравших окажутся Ирак и Канада, чей экспорт нефти крайне углеродоемкий. В Персидском заливе, в отличие от Канады и России, нефть залегает ближе к поверхности, что упрощает ее добычу, снижая углеродный след.

Возросшее использование климатической повестки дня в создании барьеров в торговле вызывает реакцию со стороны развивающегося мира, [например БРИКС](#). Тем не менее по европейскому пути уже двигаются и другие страны. По данным [исследования АКРА](#), аналог «Европейской зеленой сделки» с той же целью по достижению углеродной нейтральности к 2050 г. уже принят в Республике Корея, обсуждение Green New Deal имеет место в США, несмотря на борьбу действующей администрации с попытками международного климатического регулирования.

«Зеленая» повестка уверенно проникает в международную торговлю в виде обязательных отсылок к устойчивому развитию и защите окружающей среды в уставных документах ряда региональных и мегарегиональных соглашений. Например, «зеленая» повестка составляет отдельную 20-ю главу Соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП-11), где упоминаются основные международные экологические документы и вводится механизм консультаций в случае неправомерного использования «зеленых» субсидий (20.12.9). Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), как наиболее всеохватный по составу форум в Азии, также стремится внедрить повестку экологической ответственности и устойчивого развития.

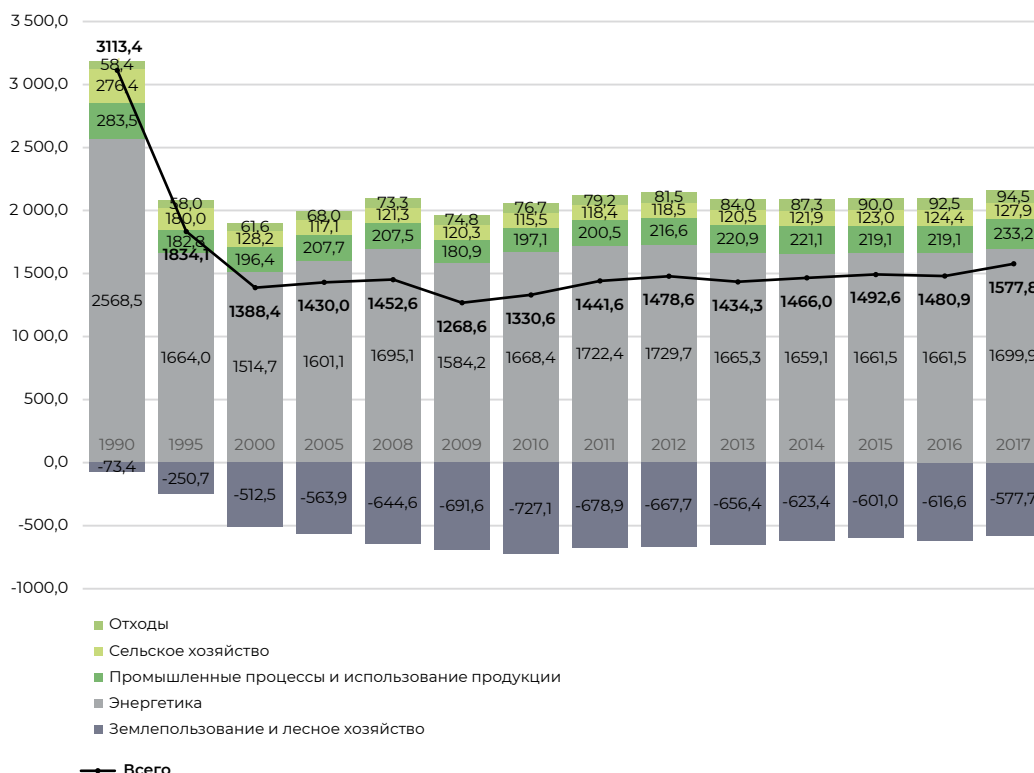
Помимо опасности протекционизма, важнейшая дихотомия на сегодняшний день может быть описана в терминах «дилеммы заключенного». В стремлении к защите окружающей среды, устойчивому развитию человечества государства не готовы поступиться национальными целями развития и принять ограничения, которые накладывают на них как объективные обстоятельства глобальной экологической угрозы, так и субъективные действия торговых партнеров, продвинувшихся дальше в движении к «зеленому» будущему.

Экологическая повестка в международной торговле: риски и возможности для России

Все более глубокое проникновение экологической повестки в международную торговлю несет в себе как риски, так и возможности для России. Учитывая переход на низкоуглеродное развитие ЕС, основного торгового партнера России, структуру экспорта страны, в котором топливно-энергетические товары составляют более 50%, а доля металлов — около 10%, высокую углеродо- и энергоемкость российской экономики, экологическая повестка становится вызовом для устойчивого развития страны в ближайшее десятилетие.

Россия является важным участником международного климатического регулирования и в числе других стран подписала и ратифицировала Киотское соглашение. Несмотря на благоприятные условия участия, согласно которым за базовую точку отсчета выбросов был взят 1990 г., когда российская экономика находилась в стагнации, переживая структурные изменения, Россия так и не смогла в полной мере воспользоваться преимуществами торговли квотами до падения цен на выбросы. В материале [Russia in the Post-Paris World: New Energy Landscape?](#) отмечается, что препятствием стали проблемы регулирования и администрирования новой сферы со стороны Минэкономразвития и Сбербанка, выбранного на тот момент оператором проектов по сокращению выбросов. После этого Россия, как и ряд других стран, отказалась брать на себя новые обязательства в пролонгированном соглашении.

ТЕНДЕНЦИИ ВЫБРОСОВ ПАРНИКОВЫХ ГАЗОВ В РОССИИ ПО СЕКТОРАМ (МЛН. Т. СО₂-ЭКВ)

Источник: построено ИТІ на основе [данных](#) Национального доклада о кадастре антропогенных выбросов

В рамках Парижского соглашения Россия взяла на себя обязательства по ограничению антропогенных выбросов парниковых газов до 70-75% от уровня 1990 г. с учетом погашающей способности лесов. Данная цель адекватна обязательствам других стран, но ее трудно назвать амбициозной, учитывая тот факт, что, по данным, приведенным в [Стратегии долгосрочного развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года](#), сейчас этот показатель составляет 51%. Такие умеренные цели ведут к необходимости адаптации планов будущего развития страны с учетом экологической повестки.

Более масштабный вызов связан с низкоуглеродными стратегиями ключевых торговых партнеров и глобальным изменением ландшафта мировой торговли, что подтверждается и [Энергетической стратегией России](#). Из двух составляющих описанной выше дилеммы — глобальное неравенство и право на развитие vs сохранение экологии — для России более актуально последнее. [Российский экспорт — один из самых углеродоемких среди всех стран ОЭСР](#). При этом в стратегических документах подразумевается мягкое реагирование на возрастающие риски, а не полномасштабная перестройка или адаптация.

В России по-прежнему отсутствует полноценная стратегия развития возобновляемых источников энергии, умных сетей электроснабжения (smart grid), недостаточно выстроена поддержка «зеленых» проектов и «зеленых» технологий. Запуск национального проекта «Экология» с бюджетом в 4 трлн руб. (20% — государственное финансирование) при правильности устремлений нацелен не на фундаментальную экономико-социальную трансформацию, а, скорее, на поддержание экологии: переработку отходов, создание национальных парков, очистку озера Байкал и т. д. Тем не менее, с учетом нарастающей значимости экологической повестки на международной арене, заинтересованности различных стейкхолдеров в экологических изменениях внутри страны, тренд на «зеленое» продолжит усиливаться, проникая во все новые сферы жизни государства.

На сегодняшний день уже принято несколько ключевых стратегических документов в этой области: [Климатическая доктрина Российской Федерации](#), [Стратегия экологической безопасности Российской Федерации](#), [Стратегия низкоуглеродного развития](#) (готовится к принятию). Тем не менее для сохранения позиций России в мировой торговле необходимы дополнительные координирующие усилия государства.

Для воплощения идеи низкоуглеродного развития в России необходимо формирование сложной системы специальных институтов, компетенций, которые сегодня во многом отсутствуют, отмечается в материале [«Эффективность европейской системы торговли квотами на выбросы ПГ и ее эволюция»](#). В России пока не создана система оценки, мониторинга и регулирования выбросов ПГ, хотя эмиссия некоторых видов ПГ в отдельных секторах регулируется в рамках природоохранного законодательства. Например, в нефтегазовой отрасли регулируются выбросы метана (точнее, выбросы углеводородов в пересчете на метан) при сжигании попутного нефтяного газа в факелах. В химической промышленности установлены ограничения на выбросы гексафторида серы (SF₆) и хладона-23.

Особую актуальность вопрос введения торговли квотами с общим ограничением на выбросы (ТКООВ) в России приобретает в связи с активной подготовительной работой по национальным системам торговли выбросами, ведущейся в Белоруссии, Казахстане и Украине. В исследовании [«Национальные системы торговли выбросами парниковых газов»](#) отмечается, что уже в 2011 г. продвигались идеи об увязке национальных схем в рамках Таможенного союза или Евразийского экономического сообщества.

Как отмечается в исследовании АКРА [«Заплати углеродный налог и дыши спокойно!»](#), введение налога на выбросы парниковых газов в России активно обсуждается в последние годы, однако его эффект неоднозначен для производителей. По оценкам экспертов агентства, введение налога на выбросы свыше 70% от уровня 2018 года поможет привлечь 381 млрд руб. внебюджетных средств для реализации федерального проекта «Чистый воздух», но с другой стороны — увеличит издержки производителей.

В этом ключе также отмечается, что в России до сих пор не внедрен ни один из инструментов по контролю выбросов, несмотря на успешно проведенную в 2011 г. сделку по продаже квот на выбросы CO₂-эквивалента и активное обсуждение углеродного налога в государственных органах. Что касается углеродного налога, эксперты придерживаются теории о постепенном введении, аналогично Аргентине, где в первый год действия налога (2019 г.) предприятия уплатили только 10% от ставки. Далее процент уплаты повышается на 10 п. п. ежегодно и должен достичь 100% лишь к 2028 году.

Создание национальной системы регулирования выбросов CO₂ является первым шагом по превентивной защите российских компаний от «зеленого протекционизма» торговых партнеров.

Крайне важно внедрение [индикаторов](#) Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН, поскольку среди барьеров на пути низкоуглеродного развития России выделяют отсутствие механизмов экологического просвещения, в том числе бизнеса: слабую доступность подобной информации и низкий спрос на нее. Цели устойчивого развития являются эффективным инструментом интеграции разнонаправленных и дискретных инициатив в единую систему взаимосвязанных приоритетов, поддающихся количественной оценке. Каждая цель имеет трехуровневую структуру Goal-Target-Indicator, то есть дополняется количественными индикаторами выполнения. При этом ЦУР — это не декларация о намерениях в пользу всеобщего блага, а универсальный инструмент для внедрения в регуляторные механизмы на всех уровнях.

Крупные российские компании финансируют экологические программы, внедряют «зеленые» технологии, применяют международные «зеленые» стандарты, используют экологическую отчетность и другие инструменты природоохранной политики. Тем самым они становятся одной из движущих сил экологизации производств в нашей стране. При этом такая активность во многом является реакцией на изменение ландшафта в международной торговле — ответом на проникновение экологической повестки и способом защиты от негативных эффектов.

В первую очередь риски перехода торговых партнеров страны на низкоуглеродное развитие почувствуют на себе экспортеры металлов и органической химии, которые сейчас наиболее активны в поиске способа преодоления этого вызова. В начале 2020 г. [«Уралхим»](#) обратил внимание правительства на необходимость совместной выработки решений по вопросам возможных торговых ограничений и адаптации к изменению климата. В качестве превентивной меры на европейскую декарбонизацию РУСАЛ разработал собственную марку низкоуглеродного алюминия [ALLOW](#), который уменьшит углеродный след компании, а сами выбросы в рамках стратегии до 2025 г. [планируется сократить на 10–15%](#).

Российские компании реагируют с точки зрения трех основных измерений проблемы. Создаются корпоративные низкоуглеродные стратегии. В современных условиях отсутствие такой стратегии уже становится фактором отказа от сотрудничества с такой компанией со стороны международных партнеров, падения стоимости ценных бумаг такой компании на фондовых рынках. [Как отмечается в компании «Северсталь»](#), уровень экологической и социальной ответственности компаний, количество реализуемых «зеленых» проектов становится фактором снижения рисков.

Помимо адаптации стратегий, компании все активнее обращаются к «зеленой» сертификации и участию в «зеленых» инициативах. Разработаны и публикуются стандарты экологической отчетности, например TCFD. «Фосагро» присоединилась к инициативе Carbon Disclosure Project, объединяющей целый ряд транснациональных компаний; об этом говорится в ежегодном [отчете](#) компании. С одной стороны, это способствует «зеленой» трансформации и налаживанию сотрудничества с контрагентами, а с другой — повышает эко-профиль компании в глазах потребителей, работая на маркетинг фирмы.

Все более важное значение имеет «зеленое» финансирование. На данный момент [разработка методологии инвестиционного финансирования поручена ВЭБ.РФ](#), который, по некоторым данным, планирует привлечь по этому направлению около [300 млрд руб.](#) для помощи компаниям через «зеленые» облигации. [Такой опыт уже есть у РЖД](#): компании удалось разместить облигации на финансирование проектов, улучшающих окружающую среду, на 500 млн евро.

Наконец, декарбонизации экономики России и защите интересов страны в международной торговле могло бы поспособствовать учреждение института, ответственного за претворение в жизнь низкоуглеродной стратегии и международное позиционирование. Условно говоря, Российский климатический фонд, представляющий интересы бизнеса и участвующий как в выработке внутренней стратегии, так и в защите интересов страны в международных организациях, мог бы стать важной вехой в утверждении низкоуглеродного пути развития и укреплении положения страны в международной торговле.

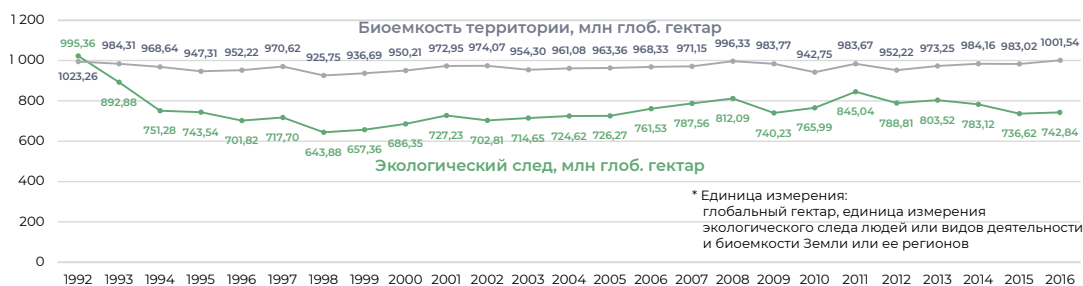
III. «ЗЕЛЕНАЯ ЭКОНОМИКА» КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИИ

В условиях проникновения экологической повестки во все сферы жизни, в том числе и в международную торговлю, насущным становится вопрос развития «зеленой экономики» как модели долгосрочного устойчивого развития. «Зеленая экономика» упоминается в стратегических документах на всех уровнях: от международных организаций и региональных объединений до государств и компаний.

Страны ЕАЭС обладают значительными ресурсами для стимулирования «зеленой экономики». Имея высокую долю природного капитала в структуре национального богатства, они способны повысить благосостояние людей, но при этом не навредить природе. Развитие «зеленой экономики» имеет огромный потенциал для реализации как в рамках ЕАЭС, так и на уровне государств-членов.

Россия, обладая обширными территориями (17 млн кв. км), по данным [Глобальной сети экологического следа](#) (GFN), имеет большой запас биоемкости (способность экосистем восстанавливаться), равный 35% по состоянию на 2016 г., что ставит ее на [4-е место](#) в мире по этому показателю. При этом в 2011 г. разница между экологическим следом (площадь биологически продуктивной территории и акватории, необходимой для производства потребляемых человеком ресурсов и поглощения отходов) и биоемкостью в России была самой низкой с 1994 г. С тех пор экологический след берет тенденцию к уменьшению, и, соответственно, увеличивается запас биоемкости территории России.

ИЗМЕРЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СЛЕДА ЛЮДЕЙ ИЛИ ВИДОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И БИОЕМКОСТИ РОССИИ В ПЕРИОД С 1992 ПО 2016 ГГ.

Источник: [Global Footprint Network, 2019 National Footprint Accounts](#)

Данные, представленные в исследовании [Глобальной сети экологического следа](#) (GFN), позволяют сделать вывод о том, насколько изменилось отношение к экологии как в мире, так и в России.

В [докладе](#) Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации рассмотрены экологические приоритеты устойчивого развития нашей страны и связанные с ними вопросы рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей среды. Авторы доклада отмечают, что России необходимо совершить переход к модели устойчивого развития, которая в долгосрочной перспективе обеспечит эффективное использование природного капитала страны и одновременно устраним влияние экологических угроз на здоровье человека. В докладе также отмечается роль международной торговли в развитии экологической повестки, особенно в части создания программ развития, базирующихся на использовании возможностей, связанных с климатическим фактором (например, увеличения производства оборудования для энергосбережения, кондиционирования воздуха и т. п.).

В настоящее время в России ведется активная деятельность в соответствии с [«майскими указами»](#) Президента РФ, направленная на устойчивое развитие и создание в стране современных секторов экологически чистого производства. Мероприятия включают набор мер, в том числе разработку национальных стандартов, помощь производителям в переходе к экологически ответственному производству.

На данный момент экологическое законодательство России представляет собой комплекс документов и актов правотворчества, в который входит более 500 материалов. Особое внимание уделяется вопросам экологии, связанным с устойчивым социально-экономическим развитием страны. Принят [Федеральный закон «Об органической продукции»](#), который регулирует отношения, связанные с производством, хранением, транспортировкой, маркировкой и реализацией органической продукции.

Принятие этого закона встретили положительно как производители отрасли, так и потребители. Согласно [анализу](#), проведенному экспертами Союза органического земледелия на основе Яндекс-статистики, за период с декабря 2017 г. по ноябрь 2019 г. количество запросов по ключевым словам «органические продукты» выросло почти в три раза. Так, в декабре 2017 г. количество запросов в месяц составляло 7 945, а в ноябре 2019 г. — уже 21 065.

Мировой рынок органической продукции — перспективное направление. Согласно статистике, представленной в исследовании Научно-исследовательского института органического сельского хозяйства FiBL [The World of organic agriculture. Statistics & emerging trends 2019](#) и учитывающей 93 страны, где органическое сельское хозяйство регулируется законом, объем мирового рынка органической продукции показывает постоянный рост: 90 млрд евро в 2018 г. против 80 млрд евро годом ранее. Крупнейшие рынки органического сельского хозяйства — США (40 млрд евро), Германия (10 млрд евро), Франция (7,9 млрд евро), Китай (7,6 млрд евро).

При этом основным сдерживающим фактором для развития органического производства в мире является нехватка сельхозугодий. Перспективы России в связи с принятием закона — оптимистичные. Кроме того, производство органической продукции дает возможность для развития еще несколькими обслуживающим отраслям — селекции, семеноводству, производству биопрепаратов, биоудобрений, средств точного земледелия, специальной сельхозтехники и др.

ОРГАНИЧЕСКИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ УГОДЬЯ И НЕСЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПЛОЩАДИ В 2017 Г. (В ГЕКТАРАХ)

Источник: [FIBL survey 2019](#)

Экологическая инициатива поддерживается и авторами [проекта Закона об экологически чистой продукции](#), разрабатываемого Минсельхозом России. Планируется, что для информирования потребителей о производителях экологически чистой продукции будет создан единый государственный реестр. В свою очередь, производители после подтверждения соответствия производства экологически чистой продукции получают право разместить на упаковке специальную маркировку.

Государствами — членами ООН в 2015 г. в рамках [Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года](#) были приняты [17 Целей в области устойчивого развития](#). [Цель 12](#) «Ответственное потребление и производство» — один из наиболее актуальных трендов в сфере современного предпринимательства. Согласно позиции ООН, эффективным инструментом его развития служит экологическая маркировка I типа по жизненному циклу (ISO 14024). В России развитие экологической маркировки I типа (ISO 14024) является приоритетным направлением работы [Экологического союза](#), в рамках которого с 2001 г. была создана маркировка «Листок жизни», единственная российская экомаркировка I типа, признанная на международном уровне. Система зарегистрирована в Федеральном агентстве по техническому регулированию и метрологии (номер РОСС RU.И1082.04ЧГ01).

«Листок жизни» — российская экомаркировка I типа, признанная на международном уровне

МАРКИРОВКА

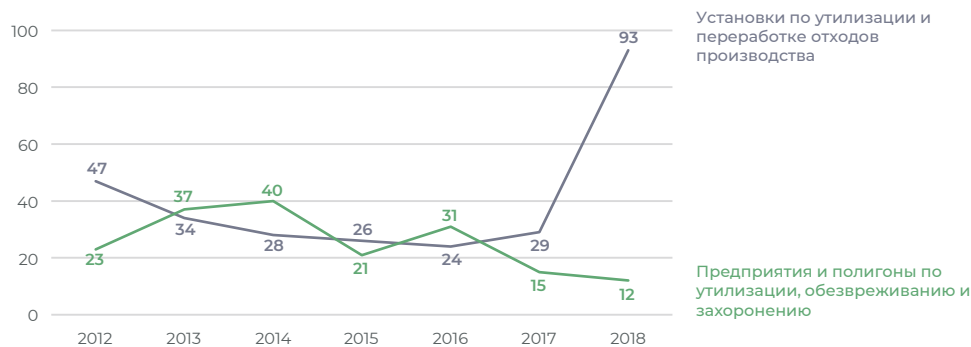

Источник: [Экологический союз](#)

В начале 2020 г. в рамках [Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года](#) был представлен первый [«Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»](#), который содержит результаты комплексного мониторинга социально-экономического развития России и развития системы стратегического планирования за период с 2015 г., а также ключевые меры по преодолению последствий коронавирусной инфекции. По каждой из семнадцати Целей устойчивого развития (ЦУР) собраны ключевые тренды, основные меры государственной политики и направления международного сотрудничества.

Согласно «Национальному обзору», по ЦУР 12 «Ответственное потребление и производство» в России за 2015–2018 гг. в четыре раза сократилось количество образуемых отходов I класса опасности (чрезвычайно опасные) — с 80 до 20 тыс. т. При общем росте отходов производства и потребления большую их часть (98,2% в 2018 г.) составляют отходы V класса опасности (самая низкая степень воздействия на окружающую среду).

ДИНАМИКА КОЛИЧЕСТВА ВВЕДЕННЫХ В ДЕЙСТВИЕ ОБЪЕКТОВ ПО УТИЛИЗАЦИИ, ОБЕЗВРЕЖИВАНИЮ И ЗАХОРОНЕНИЮ ОТХОДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Источник: [Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2018 г.»](#)

Данные: Минприроды России

В 82% российских городов с населением более 100 тыс. чел. создана инфраструктура для отдельного сбора мусора. Полностью отдельный сбор мусора внедрен в 26 российских городах (а в 45 городах используется «двухконтейнерная система» для отдельного сбора мусора: контейнер для смешанных отходов и контейнер для пластика, бумаги, стекла и пр.). Таким образом, в 2019 году 18,5% граждан страны имели доступ к отдельному сбору мусора, что почти в 2,5 раза больше, чем в 2018 году. Значительные усилия государства направлены на стимулирование рационального обращения с отходами и снижение уровня загрязнения воздуха. Поддержка «зеленых» изменений осуществляется и в рамках национального проекта «Экология», и благодаря стартовавшей в 2019 г. реформе системы обращения с отходами производства и потребления (ФЗ № 483). Также все большее внимание, особенно со стороны бизнеса, уделяется внедрению целей устойчивого развития (ЦУР).

Кейсы российских компаний, представленные в качестве примера вклада бизнеса в развитие ЦУР 12 в докладе [«Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»](#):

ПАО «СЕВЕРСТАЛЬ»

Компания «Северсталь» реализует программу увеличения доли использования вторичных энергоресурсов. По состоянию на 2019 г., Череповецкий металлургический комбинат, крупнейший завод компании, обеспечивает свою потребность в электроэнергии за счет использования вторичного топлива на 27,9%. К 2025 г. компания планирует увеличить долю вторичных газов в производстве электроэнергии до 33,9%.

Заметный вклад в переработку отходов вносят компании ГУП «Экотехпром», ООО «МКМ-Логистика», ООО «Эколайн», ООО «Хартия» и «РТ-Инвест».

КОМПАНИЯ «ПОЛИМЕТАЛЛ»

В 2019 г. компания [«Полиметалл»](#) разработала и внедрила корпоративную систему управления цианидами. Два предприятия прошли сертификацию по стандартам Международного кодекса обращения с цианидами ICMI. Организации, присоединившиеся к Кодексу, добровольно берут на себя обязательства соблюдать определенные нормы по безопасному производству, транспортировке, хранению, использованию и утилизации цианидов, применяемых при производстве золота.

ЛЕСОПРОМЫШЛЕННЫЙ ХОЛДИНГ «СЕГЕЖА»

Лесопромышленный холдинг «Сегежа» в 2018 г. ввел в эксплуатацию современный многотопливный котел (МТК), позволяющий применять древесные отходы и осадок сточных вод в качестве топлива, благодаря чему значительно сокращаются выбросы в атмосферу и локализуется воздействие на окружающую среду. Запуск МТК [позволяет](#) уменьшить расход мазута до 30% в целом по предприятию и минимизировать выбросы в атмосферу до 40% в год.

Также компании реализуют инициативы для стимулирования потребителей к ответственному потреблению. Например, торговые сети «Магнит» и X5 Retail Group [устанавливают фандоматы](#) (автоматы для сбора пластиковой тары и алюминиевых банок для их дальнейшей отправки на переработку). За пользование фандоматами потребителям будут давать скидки на покупку новой продукции.

LAFARGEHOLCIM

ЛафаржХолсим применяет на своих заводах технологию утилизации отходов в цементных печах. С 2015 г. на заводе в Калужской области компания утилизирует сортированные ТКО и отходы древесной промышленности. Использование отходов в качестве альтернативного топлива и сырьевых материалов на предприятиях цементной индустрии позволяет снизить негативное влияние на окружающую среду, включая сокращение выбросов CO₂ и минимизацию использования природных ресурсов. На предприятиях LafargeHolcim в среднем по миру процент замещения топлива альтернативными видами составляет 58%.

ОБЪЕДИНЕННАЯ КОМПАНИЯ РУСАЛ

Компания [РУСАЛ](#) с 2015 г. является членом Инициативы по ответственному планированию и управлению производством алюминия (Aluminium Stewardship Initiative, ASI), в рамках которой взаимодействует с участниками производственно-сбытовой цепочки продукции из алюминия по всему миру. В 2019 г. ряд предприятий РУСАЛа прошли сертификацию по стандартам ASI.

ПАО «МТС»

Многие российские компании внедряют политику ответственности в цепочке поставок, предъявляя требования к поставщикам и подрядчикам по соблюдению норм и стандартов в области охраны окружающей среды, промышленной безопасности, охраны труда, этики бизнеса. Например, в компании ПАО «МТС» действует Кодекс делового поведения поставщика, содержащий минимальные стандарты, соблюдение которых ожидается от поставщиков. Помимо добросовестности и честности Кодекс [отмечает](#) значимость соблюдения поставщиками законов об охране окружающей среды и прав человека.

НКО «РАЗДЕЛЬНЫЙ СБОР»

Некоммерческая организация [«Раздельный сбор»](#) объединяет тысячи единомышленников по всей России и помогает внедрять раздельный сбор отходов в организациях и на мероприятиях; развивает фандрайзинговый проект «Полезный магазин» с многоразовыми заменителями одноразовых вещей, проводит акции по экологическому просвещению, развивает благотворительный проект [«Собиратор»](#) (сбор вторичного сырья на переработку и вещей для благотворительности).

ПРОЕКТ «ВУЗЭКОФЕСТ»

Проект по формированию сообщества лидеров, наставников и впоследствии профессионалов в области устойчивого развития, распространяющих знания, навыки и реализующих конкретные решения на базе ВУЗов, городов и других административных единиц при поддержке заинтересованных сторон (администраций ВУЗов, представителей бизнеса, НКО и государственных структур), а также способствующих институциональным изменениям в области устойчивого развития на уровне страны. В 2019 г. в акциях «ВузЭкоФеста» принимали участие 64 ВУЗа России и Беларуси из 22 городов, 595 волонтеров, было проведено более 200 мероприятий.

В последние несколько лет российский экологический рынок стал расти. Пристальное внимание уделяется сфере экологизации. Правительство, эксперты и руководители компаний все чаще обращают внимание на необходимость перестройки экономики с учетом мер заботы об окружающей среде. В рамках общей приоритетной задачи построения инновационной экономики в России выдвигается цель создать новую систему экологической безопасности, чтобы рост российской экономики базировался на высоких экологических стандартах.

С этой целью принимаются новые законы и вводятся новые нормы, стандарты, способствующие росту экологического рынка страны. Расширяется список объектов экологической сертификации. Тренд на экологичное производство проникает во все новые отрасли. Руководители компаний воспринимают повышение устойчивости производства как неотъемлемый компонент для развития своих предприятий, а экологические стандарты применяются наряду с техническими.

Крупные российские компании финансируют экологические программы, внедряют «зеленые» технологии, применяют международные стандарты, используют экологическую отчетность и другие инструменты природоохранной политики. Тем самым они становятся одной из движущих сил экологизации производств в нашей стране.

Перспективы роста экологического рынка связывают также с реализацией новых законодательных проектов, развитием сферы органического сельского хозяйства, крупных нефтяных и газовых проектов, требующих внедрения технологий по предотвращению и устранению разливов нефти.

Перспективными секторами экологического рынка в России являются рынок контроля над загрязнением воды и воздуха, обработки сточных вод, управления отходами и их переработки, а также рынок экологически чистой сельскохозяйственной продукции и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- Ключевая дилемма использования «зеленых» мер поддержки производителей и торговых ограничений на основании защиты окружающей среды и безопасности государства — дихотомия между здоровьем и безопасностью нации, с одной стороны, и свободной торговлей — с другой.
- Значимость тренда на экологизацию нарастала пропорционально проблемам, с которыми сталкивалось человечество по мере индустриализации и увеличения антропогенной нагрузки на окружающую среду. При этом мировая торговля во многом была и остается катализатором изменений.
- Главная линия разделения проходит в отношении справедливости ограничений, на которые готовы пойти государства ради экологичного будущего. В этих условиях интересы старых индустриальных стран, современных центров концентрации финансового капитала, вступают в противоречие с интересами новых индустриальных стран, центров промышленного капитала. Наличие общих проблем, одной из которых является климат, заставляет все страны сотрудничать — но с учетом национальных приоритетов развития.
- В условиях кризиса ВТО все заметнее становится активность некоторых региональных и национальных акторов по распространению своих императивов развития на другие страны и регионы. Одним из ключевых игроков на этом поле сегодня является Европейский союз.
- Важнейшим событием как для международной торговли в целом, так и для России в частности станет определение контуров пограничного корректирующего углеродного механизма ЕС (ПКУМ), или углеродного налога, который, очевидно, принесет конкурентные преимущества европейским производителям и ударит по традиционным направлениям экспорта России.
- Международное климатическое регулирование имеет две основы: понимание чрезвычайной важности экологических проблем и экономические методы как наиболее эффективный способ их решения. Несмотря на добровольность обязательств в рамках Парижского соглашения, торговля квотами продолжает активно развиваться на региональном уровне и является ключом к защите от ПКУМ.
- Россия, с учетом ее обязательств в рамках Парижского соглашения по снижению к 2030 г. выбросов парниковых газов до уровня 70–75% от объема выбросов 1990 г., имеет преимущество низкой базы для реализации концепции низкоуглеродного развития. Однако регулирование этой сферы остается насущным вопросом, равно как и стимулирование государством перехода на устойчивое развитие.
- Объективным катализатором внедрения принципов устойчивого развития, принятия стратегических документов и норм в области устойчивого развития и низкоуглеродного развития является меняющаяся среда международной торговли. Проникновение экологической повестки вкупе с особенностями российской экономики и экспорта создает вызов для экспортеров страны, чреватый угрозой потери традиционных для российской углеродоемкой продукции рынков, прежде всего европейского.
- Параллельно международному регулированию развивается тренд на экологическую маркировку (эколейблы). Добровольная сертификация, в том числе экологическая, важна для повышения конкурентоспособности национальной продукции на международном рынке, а также для защиты внутреннего рынка от небезопасных товаров.

**ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ ДРУГИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ
ЭКСПЕРТАМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА
МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ И ИНТЕГРАЦИЯ ([ITANDI.RU](https://itandi.ru))
ПРИ УЧАСТИИ ФОНДА РОСКОНГРЕСС ([ROSCONGRESS.ORG](https://roscongress.org))**

«Россия и ее регионы в международной торговле ИКТ-услугами»

<https://roscongress.org/materials/rossiya-i-eye-regiony-v-mezhdunarodnoy-torgovle-ikt-uslugami/>

«Зеленая экономика и международная торговля: на пути к устойчивому развитию»

<https://roscongress.org/materials/zelyenaya-ekonomika-i-mezhdunarodnaya-torgovlya-na-puti-k-ustoychivomu-razvitiyu/>

«Россия — Африка: долгосрочное торгово-экономическое партнерство»

<https://roscongress.org/materials/rossiya-afrika-dolgosrochnoe-torgovo-ekonomicheskoe-partnyerstvo/>

SUMMARY

The chief dilemma over whether to offer green incentives for manufacturers and whether to introduce trade restrictions on the grounds of environmental safety, sustainable socio-economic development, and national security arises from the existing dichotomy between free trade and the nation's health and safety.

State support programs and trade measures differ between countries. At international level, restrictions are introduced based on a general consensus. For example, they may be regulated by universal international agreements like the United Nations Framework Convention on Climate Change (1992), the Montreal Protocol (1987), or the Cartagena Protocol (2000). Given that the scope of such agreements is always limited, all issues outside the scope will require consideration in the Dispute Settlement Body of the WTO.

The WTO rules stipulate that restrictions on a product can only be imposed on the grounds of its qualities, and not the production methods. However, the present-day environmental regulation is based on tracking the production process to ascertain that the product is ecologically safe. Still, not all restrictions based on production methods are automatically prohibited. In each particular case, it must be determined whether the restrictive measure was introduced with the aim of protecting the environment, or whether the reason behind it was protectionism.

In the context of the WTO crisis, some regional and national actors are growing noticeably active in extending their development priorities to other countries and regions. One of the key players in this field today is the European Union. In 2018, the European Parliament ceased to classify palm oil as biofuel due to the adverse effect of the production process on equatorial forests. Though aimed at supporting sustainable development, the measure came as a heavy blow on palm oil manufacturers in Indonesia (53% of the market) and Malaysia (29% of the market). Also, this decision will likely lead to more extensive use of other crops – including those cultivated within the EU. Also, environmental rationality is increasingly widely used as a line of reasoning in negotiations in the EU. Though bringing some benefits for the environment, such decisions distort international trade.

International regulation in the sphere of climate stands on two pillars: acknowledgment of the paramount importance of environmental issues and acceptance of economic methods as the most effective solution. In this respect, carbon emissions trading (the cap-and-trade scheme) has become a kind of flexibility mechanism intended to help countries reduce emissions. Although the commitments under the Paris Agreement are voluntary, emissions trade is rapidly developing at regional level.

The main borderline here is the equity of the constraints which countries are ready to take upon themselves in order to ensure a green future. In these conditions, the interests of old industrial countries (where financial capital is now concentrated) come into conflict with the interests of new industrial countries, such as the BRICS countries (where industrial capital is concentrated). However, common concerns, one of which is climate change, force countries to cooperate – while always keeping in mind their national development priorities.

The European Union strives to achieve carbon neutrality by 2050. The carbon emissions trading system in the EU has been functioning since 2005 and continues to expand to new spheres. The planned introduction of the EU carbon border adjustment mechanism, when its scope is defined, will be an event of enormous significance for international trade (and for Russia too) because it will probably bring competitive advantages to European companies.

In 2020, the Ministry of Economic Development of the Russian Federation prepared a draft Long-Term Development Strategy with Low Greenhouse Gas Emissions to 2050. Under the base scenario (the Strategy also contains an “inertia” scenario and an “intensive” scenario), by 2050 the country’s carbon emissions will equal 64% of what they were in 1990. Emissions will increase from current levels to peak in 2030 and will be reduced by 3% by 2050. Russia is planning to reach carbon neutrality towards the end of the 21st century.

The growing use of climate agenda for creating barriers in trade causes concern in the developing world, including the BRICS countries. Still, a number of countries are already following the European path. According to ACRA, the Republic of Korea has already adopted a plan for achieving carbon neutrality by 2050, similar to the European Green New Deal. In the USA, despite the continuing struggle of the incumbent US administration against attempts to introduce international climate regulation, some discussions about the Green New Deal are also in progress.

Russia, in light of its commitments under the Paris Agreement to reduce carbon emissions to 70-75% of what they were in 1990 by 2030, has the advantage of the low base effect which will help it implement the concept of low-carbon development. However, regulation in this sphere remains a pressing issue. Also, state incentives for transition to sustainable development remain necessary.

The changing environment in international trade serves as a catalyst for countries to introduce sustainable development principles and adopt policy documents in the sphere of sustainable development and low-carbon development. The wider spread of green agenda, combined with the distinctive features of the Russian economy and export, poses a challenge to domestic exporters, namely a risk of losing traditional markets, most importantly the EU market, for the country's carbon-intensive products.

Large companies play a crucial role in promoting green initiatives as they work proactively to support their competitiveness on international markets.

The necessity of setting up a national cap-and-trade scheme in Russia assumes particular urgency in light of the preparations for introducing similar schemes in Belarus, Kazakhstan, and the Ukraine which are currently underway.

At the moment, several policy documents have already been adopted, namely the Climate Doctrine of the Russian Federation and the Environmental Security Strategy of the Russian Federation. A low-carbon development strategy has been drafted. Still, to retain its positions in global trade, Russia will require additional coordination from the state.

Alongside international regulation, the trend on ecological labeling continues to grow. While ecological certification gives advantages to manufacturers, it can also be a barrier for developing and the least developed countries.

Voluntary certification, including ecological certification, is an important factor in raising the competitiveness of national products on the international market. It also serves to protect domestic markets against unsafe products. Its importance for consumers is even greater, because eco-labels let them make informed choices. Unlike technical standards, voluntary certifications aren't regulated by the WTO and cover not only the product itself but also the method of production.

Voluntary ecological standards are especially important for large export-oriented companies. According to some estimates, in developed countries, obligatory standards cover a very small range of products (roughly 3%). All the other products are subject to voluntary certification only.

Given the wide spread of voluntary certification globally and the importance of environmental agenda in international trade, it is essential to develop Russian eco-labels and have them recognized by the International Organization for Standardization (ISO) and the GEN Internationally Coordinated Ecolabelling System (GENICES).

Despite all the benefits of ecological certification, it can also be a barrier for developing and the least developed countries because it entails additional expenditure and requires qualified personnel, relevant equipment, and an auditing system.

Also, ecolabeling is closely associated with greenwashing, a practice of using the bonuses obtained by ecological certification without actually keeping to the standards required by the certification.

Another issue is the scope of certification control. When ecolabeling covers production processes and methods for the final product only, it is relatively easy to verify the information about them. If, however, the certification is extended further down the production chain, it becomes harder to track the processes.

At the moment, Russia is actively working on establishing green economy sectors. Environmental regulation is being developed. Increasingly often, large companies finance environment protection programs and introduce green technologies, thus becoming engines of greening the country's industrial production.

In the last few years, Russia's environmental market started to grow. The government, industry experts, and company CEOs alike are giving increasing attention to the necessity of redesigning the economy with a view to environmental protection. As part of the overarching goal of building an innovative economy, Russia aims at creating a new environmental safety system so that the country's economic growth is based on high ecological standards.

With this in mind, regulators are introducing new norms and standards facilitating the growth of the national environmental market. The range of items subject to ecological certification is constantly expanded.

The trend on sustainable production continues to penetrate new industries. Company leaders consider the necessity of raising production sustainability as an inherent component of corporate development strategy. Ecological standards are implemented alongside technical ones.

Large companies finance environment protection programs, implement green technologies, adopt international standards, practice environmental reporting, and use other environment protection policy tools. This way, they are becoming engines of greening the national industrial production. It is important to note that the high level of activity in the corporate sector is a response to the changing landscape of international trade, a reaction to the penetration of environmental agenda, and a means of protection against negative effects of this process.

Some promising sectors of the environmental market in Russia include air and water pollution control, sewage waters processing, waste management and recycling, ecologically safe agricultural production, etc.

See also other materials cited by the authors of this report and published in the special sections of the Roscongress information and analytical system:

- [Strategies for one-planet prosperity. How to build lasting success on our finite planet](#)
- [Pay the carbon tax and breathe freely](#)
- [Voluntary National Review of the 2030 Agenda for Sustainable Development Implementation](#)
- [How an EU Carbon Border Tax Could Jolt World Trade](#)
- [State and Trends of Carbon Pricing 2020](#)